

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 3
(июль - сентябрь)
2025 г.

Учредитель и издатель:

Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

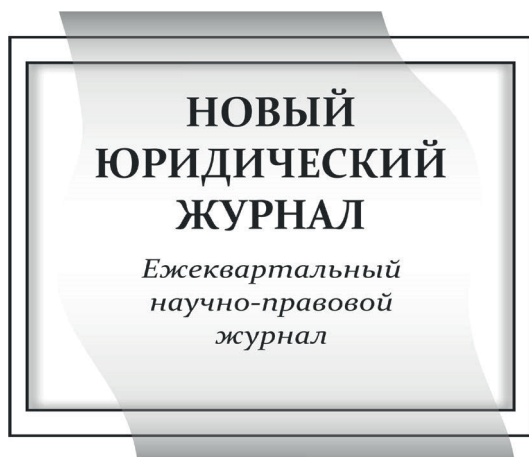
Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ Эл №
ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

© ООО «ЮРКОМПАНИ», 2025

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3.Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО)
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Айларов С.Р., Эльмурзаев А.В. * Цифровизация судебных экспертиз МЧС России: перспективы использования искусственного интеллекта в оценке пожарных рисков	10
Смольков С.Н., Шошин С.В., Куратченко Д.А. * Особенности социальной среды в местах лишения свободы	15
Сухорукова А.А. * Понятие контролирующего лица в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности при исключении должника из ЕГРЮЛ	27
Горбунов С.В. * Идеология и функции Роспотребнадзора в контексте философии права	33

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Джафарова М.Э. * Искусственный интеллект в оперативно-розыскной деятельности: его роль, применение и правовой статус	39
Жумашев М.А. * Становление института реабилитации в уголовном законодательстве Российской Федерации	46
Куприн С.Д. * О затруднительности привлечения к уголовной ответственности в уголовном деле частного обвинения по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ «клевета»	51

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Швейковская В.С. * Анализ судебной практики о разграничении составов уголовных преступлений и административных правонарушений	58
---	----

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Зотиков Д.В. * Организационно-управленческие меры противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям экономической и коррупционной направленности, связанных с хищением бюджетных средств в рамках реализации национальных проектов и федеральных целевых программ Российской Федерации	67
Ованесов Б.К. * Обстоятельства непреодолимой силы как основание освобождения от ответственности	75

CONTENT:

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

- Aylarov S.R., Elmurzaev A.V. * Digitalization of forensic examinations of the Russian Emergencies Ministry: prospects for using artificial intelligence in assessing fire risks 10
- Smolkov S.N., Shoshin S.V., Kuratchenko D.A. * Features of the social environment in places of imprisonment 15
- Sukhorukova A.A. * The concept of a controlling person in disputes on bringing to subsidiary liability when excluding a debtor from the Unified State Register of Legal Entities 27
- Gorbunov S.V. * Ideology and functions of Rospotrebnadzor in the context of the philosophy of law

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Dzhafarova M.E. * Artificial intelligence in operational-search activities: its role, application and legal status 33
- Zhumashev M.A. * Formation of the institution of rehabilitation in the criminal legislation of the Russian Federation 39
- Kuprin S.D. * On the difficulty of bringing to criminal liability in a criminal case of private prosecution under Part 1 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «slander»

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

- Shveikovskaya V.S. * Analysis of judicial practice on the distinction between criminal offenses and administrative offenses 58

LAW AND ECONOMICS

- Zotikov D.V. * Organizational and managerial measures to counter serious and especially serious crimes of economic and corruption orientation related to the theft of budget funds in the framework of the implementation of national projects and federal target programs of the Russian Federation 67
- Ovanesov B.K. * Force majeure as a basis for exemption from liability 75

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-3-10-14

АЙЛАРОВ Сослан Русланович,

*Студент, «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»,
e-mail: asrailarchik@mail.ru*

ЭЛЬМУРЗАЕВ Асолтан Валерьевич,

*доцент кафедры административного права и процесса, кандидат юридических наук,
доцент, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»,
e-mail: elmurzaev.78@mail.ru*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ МЧС РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНКЕ ПОЖАРНЫХ РИСКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются современные реалии цифровизации общества, в частности судебных экспертиз в системе МЧС России, особое внимание уделено перспективам продолжения внедрения искусственного интеллекта в работу по оценке пожарных рисков. Проанализированы действующие и перспективные цифровые платформы, используемые для проведения экспертиз в дистанционном формате, а также определяются основные проблемы, связанные с реализацией возможностей искусственного интеллекта в формировании заключений по результатам экспертных оценок. С учетом опыта отечественных и зарубежных исследователей формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования в части касающейся оптимизации процесса внедрения цифровых технологий в повседневную деятельность, а также в четком определении обязанностей. По результатам исследования становится очевидной необходимость реализации комплексного подхода в вопросе цифровой трансформации деятельности по оказанию услуг экспертами, который способен обеспечить баланс между инновациями в технологическом аспекте, правовой определенностью и защитой прав участников судопроизводства.

Ключевые слова: эксперт, гражданское судопроизводство, МЧС России, цифровизация общества, искусственный интеллект, судебная экспертиза, ответственность, пожарная безопасность.

AILAROV Soslan Ruslanovich,

Student, «Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev»

ELMURZAEV Asoltan Valerievich,

Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor «Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev»

DIGITALIZATION OF FORENSIC EXPERTISE IN THE EMERCOM OF RUSSIA: PROSPECTS FOR USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FIRE RISK ASSESSMENT

Annotation. *The article discusses the current realities of digitalization in society, particularly forensic examinations in the Russian Ministry of Emergency Situations, with a focus on the prospects for continuing to implement artificial intelligence in fire risk assessment. The article analyzes existing and future digital platforms used for conducting examinations in a remote format, and identifies the main challenges associated with implementing the capabilities of artificial intelligence in generating expert opinions. Based on the experience of domestic and foreign researchers, proposals are formulated to improve legal regulation in terms of optimizing the process of introducing digital technologies into everyday activities, as well as clearly defining responsibilities. The results of the study make it clear that a comprehensive approach is needed to digitalize the services provided by experts, which is able to ensure a balance between innovation in the technological aspect, legal certainty and protection of the rights of participants in legal proceedings.*

Key words: *expert, civil proceedings, EMERCOM of Russia, digitalization of society, artificial intelligence, forensic examination, responsibility, fire safety.*

Введение: Цифровая трансформация общества, и судебной деятельности, в частности, становится одним из ключевых направлений эволюции правовой системы Российской Федерации. В условиях стремительного роста объема информации, а также усложнения объектов экспертизы с учетом необходимости оперативного реагирования на вводимые изменения, вопросы внедрения информационных технологий в деятельность экспертов в системе МЧС России, а также привлекаемых ими, приобретают особую актуальность. Использование цифровых инноваций положительно сказывается не только на эффективности, прозрачности и объективности экспертных исследований, но и создает новые правовые и этические вызовы, требующие нормативного закрепления.

В последние годы МЧС России реализует активные действия по внедрению цифровых технологий в области организации и проведения экспертиз, связанных с расследованием причин возгораний и пожаров, определением величины ущерба и анализом соблюдения требований противопожарной безопасности. Кроме того, одним из основных инструментов ведомства является использование единой государственной информационной системы учёта и анализа чрезвычайных ситуаций, интегрированной в сервисы цифрового документооборота и базы данных о пожарах, объектах защиты, технических средствах

противопожарной защиты, что позволяет персоналу работать удаленно с необходимыми материалами, автоматизировать процесс сбора и обработки информации, а также генерировать цифровые заключения с использованием квалифицированной подписи ведомства. Помимо этого, пилотные проекты предполагают внедрение в ряд регионов специализированных модулей, организующих удаленное взаимодействие между экспертами, следственными органами и судом, что позволит существенно сократить сроки экспертиз и повысить их качество в силу использования актуальной информации и аналитических управленческих инструментов. Особое внимание уделяется внедрению технологий машинного обучения и анализа больших данных в процессы автоматизации отдельных этапов проведения экспертиз. Например, специализированные программные комплексы через анализ фото- и видео материалов с места дознания могут автоматически выявлять признаки возгорания, проанализировать площадь задымления, смоделировать сегменты развития огня с учетом конструкции здания, методов противопожарной защиты и метеоусловий. Эти решения не только интегрируют работу экспертов, но и снижают аварийность и повышают объективность и точность предоставляемых заключений за счет исключения функций человека. В то же время, несмотря на плюсы цифровых платформ, широкое внедрение сталкивается с рядом организационных и

нормативных проблем, связанных с защитой информации, обеспечением легкости доступа исследователей к персональной информации, а также соблюдением процессоориентированного списка стандартов.

Внедрение искусственного интеллекта в судебную экспертизу МЧС открывает новые горизонты для повышения эффективности и достоверности экспертных исследований, однако одновременно порождает целый комплекс рисков, связанных с правовой определённой, прозрачностью и ответственностью за результаты применения ИИ. Одной из ключевых проблем является отсутствие в действующем законодательстве чётких критериев допустимости использования автоматизированных систем при формировании экспертных заключений, а также механизмов верификации и аудита алгоритмов, лежащих в основе таких систем. Это создаёт угрозу признания заключений, полученных с использованием ИИ, недопустимыми доказательствами в суде, особенно в случаях, когда стороны процесса не имеют возможности проверить корректность работы алгоритма или оспорить его выводы.

Дополнительные риски связаны с возможностью возникновения ошибок в результате некорректной работы программных средств, недостаточной обученности моделей или искажения исходных данных. В условиях, когда экспертное заключение может стать определяющим фактором при вынесении судебного решения, такие ошибки способны привести к существенным нарушениям прав и законных интересов участников процесса. Кроме того, использование ИИ в экспертной деятельности ставит вопросы о распределении ответственности между разработчиками программного обеспечения, экспертами, применяющими автоматизированные инструменты, и органами, назначающими экспертизу. Отсутствие чётких правовых механизмов разрешения подобных ситуаций может привести к затягиванию судебных разбирательств и снижению доверия к институту судебной экспертизы в целом.

Не менее важным аспектом является обеспечение прозрачности и объяснимости

решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта. В отличие от традиционных методов, где эксперт может подробно обосновать свои выводы, алгоритмы ИИ зачастую функционируют как «чёрный ящик», что затрудняет их анализ и оспаривание в судебном порядке. В этой связи особую актуальность приобретает разработка стандартов и методик, обеспечивающих возможность независимой проверки и интерпретации результатов, полученных с помощью автоматизированных систем.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения сферы применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе возникает объективная необходимость совершенствования нормативного регулирования, направленного на обеспечение правовой определённости, прозрачности и ответственности при использовании цифровых инструментов. Проект Федерального закона «О цифровых доказательствах», разрабатываемый с 2023 года, предусматривает введение новых категорий доказательств, полученных с использованием автоматизированных систем, а также определяет требования к их допустимости, достоверности и проверяемости.

С учётом специфики экспертной деятельности МЧС целесообразно дополнить проект закона положениями, устанавливающими обязательные процедуры верификации и аудита алгоритмов искусственного интеллекта, используемых при проведении экспертиз. Необходимо закрепить право сторон процесса на получение информации о принципах работы применяемых программных средств, а также на проведение независимой экспертизы корректности их функционирования. Важно предусмотреть механизмы распределения ответственности между экспертами, разработчиками программного обеспечения и органами, назначающими экспертизу, с учётом степени их участия в формировании заключения.

Особое внимание следует уделить вопросам защиты персональных данных и информационной безопасности при

использовании цифровых платформ и ИИ в экспертной деятельности. Закон должен содержать чёткие требования к хранению, обработке и передаче информации, а также предусматривать меры по предотвращению несанкционированного доступа и искажения данных. В целях повышения доверия к результатам экспертиз, проведённых с использованием ИИ, целесообразно разработать стандарты объяснимости и прозрачности алгоритмов, а также процедуры их сертификации и аккредитации на государственном уровне.

Заключение: Цифровизация судебных экспертиз в системе МЧС России открывает широкие возможности для повышения эффективности, объективности и прозрачности экспертных исследований, особенно в сфере оценки пожарных рисков. Внедрение дистанционных платформ и искусственного интеллекта позволяет существенно ускорить процесс экспертизы, минимизировать влияние человеческого фактора и повысить качество

принимаемых решений. Вместе с тем, широкое использование цифровых технологий порождает новые правовые и этические вызовы, связанные с допустимостью, достоверностью и ответственностью за результаты применения ИИ. Для успешной цифровой трансформации экспертной деятельности необходим комплексный подход, включающий совершенствование нормативного регулирования, разработку стандартов верификации и объяснимости алгоритмов, а также обеспечение защиты прав участников судопроизводства. Внесение соответствующих изменений в проект Федерального закона «О цифровых доказательствах» позволит создать надёжную правовую основу для использования современных цифровых инструментов в судебной экспертизе, способствуя формированию справедливой, прозрачной и эффективной системы правосудия в условиях цифровой эпохи.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 30 (ч. I). Ст. 3579.
- [2] Свод правил СП 484.1311500.2020. «Системы противопожарной защиты. Системы пожарной сигнализации и автоматизация систем противопожарной защиты. Нормы и правила проектирования». // Утвержден Приказом МЧС России от 31 июля 2020 г. № 582, введен в действие с 1 марта 2021 г., зарегистрирован Росстандартом 16 сентября 2020 г. – М.: ФГБУ «ВНИИПО МЧС России», 2020.
- [3] Приказ МЧС России от 30.12.2021 № 645 «Об утверждении требований к системам оповещения и управления эвакуацией».
- [4] Федеральный закон от 30.12.2023 «О цифровых доказательствах» (проект).
- [5] Иванов И.И. Цифровизация судебной экспертизы и использование искусственного интеллекта // *Вопросы права*. 2024. № 3. С. 45–53.
- [6] Петров А.В. Машинное обучение в судебной практике: вызовы и перспективы // *Юридические науки*. 2023. Т. 12, № 2. С. 98–107.
- [7] Сидорова Е.М. Правовые аспекты использования ИИ в судебной экспертизе // *Журнал российской юридической науки*. 2024. № 1. С. 15–26.
- [8] Кузнецов В.Д. Судебные экспертизы в системе МЧС России: современные технологии и методики // *Право и безопасность*. 2023. № 4. С. 70–82.

References:

- [1] Federal Law of 22.07.2008 No. 123-FZ «Technical Regulations on Fire Safety Requirements» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 30 (Part I). Art.

[2] Set of rules SP 484.1311500.2020. «Fire protection systems. Fire alarm systems and automation of fire protection systems. Design standards and rules». // Approved by Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated July 31, 2020 No. 582, entered into force on March 1, 2021, registered by Rosstandart on September 16, 2020 - M.: FGBU «VNIPO EMERCOM of Russia», 2020.

[3] Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated December 30, 2021 No. 645 «On approval of requirements for warning and evacuation management systems».

[4] Federal Law of December 30, 2023 «On Digital Evidence» (draft).

[5] Ivanov I.I. Digitalization of forensic examination and the use of artificial intelligence // Questions of Law. 2024. No. 3. P. 45-53.

[6] Petrov A.V. Machine learning in judicial practice: challenges and prospects // Legal sciences. 2023. Vol. 12, No. 2. P. 98–107.

[7] Sidorova E.M. Legal aspects of using AI in forensic examination // Journal of Russian legal science. 2024. No. 1. P. 15–26.

[8] Kuznetsov V.D. Forensic examinations in the system of the Ministry of Emergency Situations of Russia: modern technologies and methods // Law and Security. 2023. No. 4. P. 70–82.

СМОЛЬКОВ Сергей Николаевич,

*к.ю.н., доцент кафедры права и правоприменительной деятельности
Поволжского кооперативного института (филиала)
автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
“Российский университет кооперации”,
старший офицер Федеральной Службы Безопасности РФ (в отставке),
г. Энгельс Саратовской области, Россия,
e-mail: smolkoff@mail.ru*

ШОШИН Сергей Владимирович,

*к.ю.н., доцент, магистр юриспруденции, доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
юридического факультета Саратовского национального
исследовательского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского;
г. Саратов, Россия,
e-mail: sergei8@mail.ru*

КУРАТЧЕНКО Денис Александрович,

*заместитель начальника линейного отдела полиции
в речном порту Саратов Приволжского ЛУ МВД на транспорте,
старший лейтенант полиции;
г. Саратов, Россия.*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Вводная часть. Сущность социальной среды, сложившейся в конкретном российском месте лишения свободы, оказывает влияние на итоги процесса ресоциализации содержащихся в неволе лиц. Факторы социальной среды, влияющие ежедневно на сотни и тысячи таких содержащихся под стражей людей, традиционно, привлекают внимание исследователей всего мира.

Цели. Во-первых, авторы преследуют цель представить на обсуждение научного сообщества полученные результаты исследований проблем социальной среды в условиях современных российских мест отбывания наказания в виде лишения свободы. Во-вторых, в качестве очередной цели предполагается установление приоритета результатов проведенных авторами изысканий. В-третьих, по итогам публичной научной полемики в рамках темы исследования, планируется предложить российскому федеральному законодателю инновационный подход к разрешению проблем социальной среды, складывающейся в отечественных местах лишения свободы.

Методы исследования. Авторами работы применялись эмпирические методы: сбор данных, анализ, наблюдение, сравнение, опрос (интервьюирование).

Основные выводы. В течение многих веков в практике отечественной пенитенциарной системы старательно ее руководители и рядовые сотрудники пытались достичь положительного результата в исправлении лиц, осужденных приговором суда к наказанию в виде реального лишения свободы. Ученые разных стран вели оживленные дискуссии, какие именно психологические и иные мероприятия способны показать наибольшую степень своей эффективности в данной сфере общественных отношений. В современных российских условиях на

первый план ресоциализации заключенных в исправительных учреждениях, по субъективному мнению авторов, должно стать способствование формированию патриотизма подобных лиц. Закономерным итогом подобного исправления содержащихся в неволе лиц станет законное и обоснованное их освобождение из таких мест лишения свободы. С другой стороны, резкое снижение численности лиц, содержащихся в условиях фактической изоляции от общества, станет действенным мотиватором и к высвобождению становящихся избыточными сотрудников и руководства низового звена органов пенитенциарной системы. Подобный подход в полной мере соответствует современной траектории развития российской национальной политики в криминальном сегменте. Более того, реализация таких инноваций не требует сколько-нибудь значительных материальных вложений, неких очень высоких квалификаций персонала. Все предлагаемое авторами легко и в кратчайшие сроки может быть воплощено в жизнь уже сейчас имеющимся персоналом органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказания Министерства юстиции Российской Федерации. Весьма поучительным здесь может оказаться опыт прошлых лет, результаты которого были получены при проведении авторами компаративистского историко-правового сравнения современной российской ситуации с аналогичным сегментом общественных отношений начала 1940-х годов.

Ключевые слова: тюрьма, ресоциализация, патриотизм, освобождение, социальная, среда.

SMOLKOV Sergey Nikolaevich,

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Law and Law Enforcement of the
Volga Region Cooperative Institute (branch) of the
autonomous non-profit educational organization of higher education of the
Centrosyuz of the Russian Federation
«Russian University of Cooperation»,
senior officer of the Federal Security Service of the Russian Federation (retired),
Engels, Saratov Region, Russia*

SHOSHIN Sergey Vladimirovich,

*PhD in Law, Associate Professor, Master of Law, Associate Professor of the Department of
Criminal,
Environmental Law and Criminology
Faculty of Law of the Saratov National Research State University named after N.G.
Chernyshevsky;
Saratov, Russia*

KURATCHENKO Denis Aleksandrovich,

*Deputy Chief of the Linear Police Department
in the Saratov River Port of the Privolzhsky LU MVD for Transport,
Senior Police Lieutenant;
Saratov, Russia*

FEATURES OF THE SOCIAL ENVIRONMENT IN PRISON PLACES

Annotation. *Introduction. The nature of the social environment that has developed in a specific Russian place of imprisonment affects the results of the resocialization process of persons held in captivity. Social environmental factors that affect hundreds and thousands of such people held in custody every day traditionally attract the attention of researchers from all over the world.*

Objectives. Firstly, the authors aim to present the obtained results of research on the problems of the social environment in the conditions of modern Russian places of imprisonment for discussion by the scientific community. Secondly, the next objective is to establish the priority of the results of the

research conducted by the authors. Thirdly, based on the results of the public scientific debate within the framework of the research topic, it is planned to offer the Russian federal legislator an innovative approach to solving the problems of the social environment that is developing in domestic places of deprivation of liberty.

Research methods. The authors of the work used empirical methods: data collection, analysis, observation, comparison, survey (interviewing).

Main conclusions. For many centuries in the practice of the domestic penitentiary system, its leaders and ordinary employees have diligently tried to achieve a positive result in the correction of persons sentenced by a court sentence to punishment in the form of real imprisonment. Scientists from different countries conducted lively discussions about which psychological and other measures can show the greatest degree of their effectiveness in this area of public relations. In modern Russian conditions, in the subjective opinion of the authors, the promotion of patriotism in such persons should come to the forefront of the resocialization of prisoners in correctional institutions. The logical result of such a correction of persons held in captivity will be their legal and justified release from such places of deprivation of liberty. On the other hand, a sharp reduction in the number of persons held in conditions of actual isolation from society will become an effective motivator for the release of the employees and management of the lower level of the penitentiary system, which are becoming redundant. Such an approach fully corresponds to the modern trajectory of the development of Russian national policy in the criminal segment. Moreover, the implementation of such innovations does not require any significant material investments or very high qualifications of the personnel. Everything proposed by the authors can be easily and in the shortest possible time implemented by the existing personnel of the bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of the Ministry of Justice of the Russian Federation. The experience of past years, the results of which were obtained when the authors conducted a comparative historical and legal comparison of the modern Russian situation with a similar segment of public relations in the early 1940s, can be very instructive here.

Key words: prison, resocialization, patriotism, release, social, environment.

Введение

Социальная среда в местах лишения свободы и общность осужденных, как ее важнейший структурный элемент, представляют собой уникальное социальное явление. Этот постулат отмечен многими учеными и исследователями - криминологами, а также практическими работниками системы российских исправительных учреждений [1, с. 12]; [2, с. 62].

Эта уникальность определена комплексами взаимосвязанных факторов, которые отсутствуют при рассмотрении условий функционирования любых других социальных сред или общностей, или их воздействие на социальную среду обитания, не являются глобальными и определяющими. Действительно, искусственный характер способа создания общности, в отличие от многих других социальных групп, которые формируются естественным образом, таких как семья, компания друзей или сослуживцев, групп, образованных по национальному

признаку, общность осужденных создаётся не ее участниками, а извне, с определенной внешней заранее заданной целью, которая определяется не участниками социальной группы. Этот признак не является специфическим только для общности осужденных. Многие группы создаются искусственным путем, в соответствии с профессиональными, интеллектуальными, производственными и (или) общественными потребностями. Такие, как производственные бригады, ученические группы, спортивные классы, производственные кооперативы, воинские подразделения и т.д.

Основная часть.

Создание общества осужденных обусловлено общественной потребностью, это изоляция преступников с целью предупреждения совершения новых преступлений, возможного исправления в период отбывания наказания за совершенное преступление. Качество данной социальной среды в первую очередь зависит от того,

принимает ли сама группа осужденных извне навязанную цель её существования или нет. Теоретически, при определении конкретного места отбывания наказания в виде лишения свободы, администрацией пенитенциарных органов, может быть учтено мнение осужденного индивидуума. Тем не менее, решающим мнение такого человека не является. В этом отношении нам представляется необходимым в полном объеме согласиться с мнением Храбровой Е.В. и Чернышенко Е.В. [3, с. 15], предлагавших законодательно закрепить обязательность получения заявления с конкретным волеизъявлением лица, достигшего 18 летнего возраста о сущности его отношения к вопросу оставления его для отбывания назначенного судом наказания в воспитательной колонии.

Фактор принудительной изоляции от общества также не является специфическим. Есть социальные группы, которые находятся в добровольной изоляции, например, полярники или претерпевающие состояние добровольно-принудительной изоляции от общества для инфекционных больных (и страдающих социально опасными заболеваниями), лиц, работающих в отдаленных районах Севера, Дальнего Востока и др.

Подобная физическая изоляция от общества не превращается в социальную стигматизацию. Они остаются уважаемым членами общества. На них не навешивают социальных ярлыков, клейма, метки позора. То есть в отношении таких лиц отсутствует маркировка субъектов с негативной социальной ролью.

С осужденными ситуация обстоит гораздо сложнее. Так, по теории Ф.Танненбаума, государство, наказывая человека за совершенное противоправное деяние, морально порицает его, изолируя от общества, тем самым стигматизирует преступника в качестве социального изгоя и противопоставляет его перед другими людьми. Наказание как бы является в этом случае катализатором преступной карьеры, в виду того, что преступник считает себя свободным от моральных обязательств перед обществом, которое его же отвергло. А совершенное повторное преступление можно

рассматривать как реакцию преступника на это социальное отторжение. Клеймо преступника психологически воздействует на него и его поведение как социально опасного человека – преступника [4, с. 31]. Теория стигматизации Ф.Танненбаума отрицает один из постулатов уголовного права и криминологии о том, что безнаказанность это стимул преступного поведения лица совершившего преступление.

Наказание как стигматизация вредно не потому, что оно разделяет общество на противоположные группы населения, но и потому, что само это деления общества произвольно и не справедливо. Именно такое исследование Э.Сатерленда и показало, что «несудимая» часть общества, к примеру, представители привилегированных слоев населения совершают огромное количество преступлений и тем не менее остаются безнаказанными [5, с. 105]. Общественная опасность данной категории лиц или «беловоротничковой» преступности, совершающих ряд таких преступлений как коррупционные деликты, злоупотребление служебным положением, уклонение от уплаты налогов и т.д., а также реально наносимый ею вред или ущерб во многом превосходит в этом отношении преступность более низших слоев общества. При определении перечня коррупционных деликтов в данной работе авторы принимали за основу соответствующие положения, сформулированные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹.

Высокая латентность преступлений богатых и преимущественная направленность уголовной юстиции на бедных вызывает сомнение в существовании принципиальных отличий между преступниками и не преступниками, судимыми и не являющимися пока еще таковыми лицами. Поэтому, с позиции теории стигматизации, в предупреждении рецидива приоритет следует отдавать не карательным мерам воздействия, а искать пути снижения эффекта стигматизации тех карательных мер, от которых пока нельзя фактически отказаться. В пользу указанного тезиса свидетельствует и позиция

федерального российского законодателя, исключившего термин “кара” из текста действующего УК РФ [6, с. 427].

Отрицательный результат стигматизации усиливается тем, что в обыденном сознании людей существует обобщенный негативный образ преступника. Он предельно упрощен и эмоционально окрашен в стереотип, содержанием которого является убежденность в том, что преступники отличаются от других людей не только чертами характера, взглядами, установками, жизненной позицией, образом жизни, но другими чертами и признаками. Типичный подход заключается в том, что преступники не такие, как мы, они “другие”. Среди многообразия плоскостей научного анализа концепта “другие”, сегодня нам представляется целесообразным отдельно выделить философско-исторический [7, с. 23]. К сожалению, ограниченный объем работы не позволяет затронуть данный насущный аспект анализируемого сегмента общественных отношений. Авторы оставляют за собой право в дальнейшем подвергнуть детальному анализу именно философско-исторический аспект концепта “другие”, применительно к личности индивидуально поименованного преступника, конкретного правонарушителя.

Необходимо принимать меры к тому, чтобы физическая изоляция осужденных не превратилась в социальную изоляцию. Чем более прочными и разносторонними являются их связи с внешней социальной средой, тем меньшее влияние на поведение оказывают нормы социального сообщества так называемых криминальных элементов. Здесь целесообразно напомнить, что уже много лет концепт “общество” российские исследователи противопоставляют концепту “тюрьма” (в широком, не уголовно-исполнительном смысле этого слова) [8, с. 30]. В этом отношении под термином “тюрьма” исследователи стабильно понимают всякое учреждение, исполняющее в России назначенное судом наказание в виде реального лишения свободы конкретным правонарушителям. Нам видится оптимальным считать места лишения свободы частью российского (в

частности) общества. Мнение о том, что общество, сформировавшееся за колючей проволокой (фактически - в местах лишения свободы) сегодня является сосредоточением зла, сегодня стоит рекомендовать считать своеобразным мнением философа [9, с.17]. В противовес данному изложению субъективной точки зрения, на наш взгляд, вполне возможно изложить и иные воззрения на указанный сегмент общественных отношений.

В исправительных учреждениях естественно существует регламентация поведения. Многие сферы жизнедеятельности, в которых личность ранее действовала конкретная личность на основе свободного волеизъявления, в частности, это быт, отдых, межличностные взаимоотношения и другие, оказались здесь подвержены жесткому контролю и детальной регламентации со стороны администрации. Более того, в некоторых исправительных учреждениях в указанном аспекте с разной степенью интенсивности assisteрует так называемый “актив” со стороны соответствующей группы самих заключенных. Именно такая регламентация или контроль со стороны администрации, объективно вырабатывает у осужденных стереотип поведения, который,

естественно, отвечает специфическим условиям исправительного учреждения и не соответствует условиям свободы. Эта относительно замкнутая среда, в которой (относительно) ограничена возможность удовлетворения многих потребностей, снижает активность личности, тем самым формирует пассивность и несамостоятельность, что, естественно, порождает проблему ресоциализации, то есть сложности в процессе возвращения осужденного в общество, в связи с изменением его мировоззрения, и приспособлению к социальному окружению или в приспособлении к жизни в новом свободном сообществе. Интересным и парадоксальным здесь является мнение, что само общество даже потенциально не предполагает впоследствии, при изменении условий общественной жизни, собственную трансформацию, с учетом точек зрения прежде признанных правонарушителями лиц. Достаточное число кейсов отбытия

наказания лицами, когда преступления, за совершение которых они были осуждены к лишению свободы, оказались впоследствии декриминализованы, так и не стало стимулом к развитию отечественного уголовного права и процесса. Существующие исследования, в частности, на монографическом уровне, весьма наглядно иллюстрируют эту сложную проблемную ситуацию [10, с. 351].

Данное обстоятельство, является неизбежным и остаточным криминогенным эффектом лишения свободы, выступает весомым аргументом для исследователей, предлагающим ограничить применение этого вида наказания [11, с. 19]. Современные российские практики общественных отношений наглядно показывают и иные важные стимулы для ученых, критикующих излишне активное применение уголовного наказания в виде лишения свободы. Здесь с огромной важностью сейчас надлежит учитывать замалчивавшийся на протяжении многих лет вопрос о целесообразности акцентирования внимания на проявлениях патриотизма среди лиц, отбывающих назначенное им судом ранее наказание в виде реального лишения свободы [12, с. 31].

Следующей особенностью социальной среды в местах лишения свободы можно выделить принудительное включение в однополые группы на уравнилельных началах. В условиях лишения свободы личность не только ограничена в выборе своего социального окружения, но и лишена свободы выхода из этой группы. Все это и предопределяет остроту и способы разрешения возникающих конфликтов. Если в условиях свободы конфликт, который возникает внутри группы, можно решить путем выхода из группы, то в общности осужденных это, зачастую, не является возможным. Смена социального окружения происходит, как правило, противоправными способами, то есть путем совершения побега или совершения какого-либо другого преступления. Доступная открытая официальная статистика побегов из учреждений ФСИН РФ не позволяет считать данный способ решения подобных социальных проблем общения распространенным.

Признак лишенности свободы выхода

из социальной группы традиционными легальными способами также не является специфическим. Он, как правило, присущ армейским коллективам. Например, дезертирство, самоубийство или убийство сослуживцев, зачастую используются при решении подобных сложностей межличностного общения. Эта особенность формирования среды оказывает схожее воздействие на внутригрупповые отношения и в среде осужденных, и в среде военнослужащих. Еще более любопытным в данном аспекте является анализ таких отношений, присущих военнослужащим (как проходящих срочную службу по призыву, так и по контракту), осужденным судом к фактическому отбыванию срока лишения свободы. В современных условиях, кроме того, интерес, впоследствии, способен вызвать и подробный анализ указанного сегмента общественных отношений в практике деятельности мобилизованных.

Длительное пребывание в однополых группах создает, порой, фактически, невозможность для осужденных в удовлетворении своих естественных сексуальных потребностях. Извращенные формы, не соответствующие идеалам некоторых теоретиков межличностных отношений, порой, во многих случаях подвергаются преследованию, как со стороны сообщества, так и со стороны администрации конкретного исправительного учреждения и, зачастую, представителей “актива” самих осужденных. Пассивные гомосексуалисты в мужских колониях находятся на самой нижней ступени социальной лестницы. Схожая ситуация свойственна и представительницам женской формы гомосексуализма, о чем обоснованно пишет, в частности, Поникаров В.А. [13, с. 29].

Эти указанные факторы являются объективными, внешними по отношению к социальной среде осужденных. Воздействие их не является устранимым, поскольку они обусловлены необходимыми признаками наказания в виде лишения свободы и тем самым воздействуют как объективные условия существования социальной среды осужденных и оказывают определяющее

влияние на все структурные элементы этой среды. Специфическая особенность общности осужденных характеризуется одним из важнейших элементов социальной среды или социальной группы общности осужденных.

Понятие «группа» является одним из основных в социологии так как группа есть фундамент человеческого общества, да и само общество представляет собой группу, которая характеризуется двумя признаками:

- а) совокупность индивидов;
- б) наличие некоторого взаимодействия между индивидами.

Для уяснения типических особенностей социальных групп, Фролов С.С. обоснованно предлагает их классифицировать по следующим признакам [14, с. 113]:

- наличие внутригруппового и межгруппового взаимодействия (в зависимости от наличия или отсутствия такого взаимодействия группы делятся на номинальные (условные) и реальные);
- по способу образования (естественные и искусственные);
- по размеру численности группы (малые и большие);
- по характеру внутригрупповых отношений (формальные и неформальные);
- по уровню развития и степени сплоченности (высокий-низкий) (структурированный - аморфный).

В литературе понятие «общность» и «сообщество» обычно употребляются как синонимы. В целях более точной характеристики групп осужденных будем различать эти понятия. Термин «сообщество» применим ко всем осужденным к лишению свободы как к лицам с особым правовым статусом, понятие «общность» - к группам осужденных, территориально обособленным, находящимся в непосредственном контакте или имеющим возможность таких контактов (общность осужденных колонии, отряда, бригады). Общность осужденных – это реальная группа, она может быть большой или малой, формальной или неформальной. Наиболее важным является вопрос, достигнет ли общность осужденных в своем развитии

уровня коллектива и может ли быть субъектом исправления или воспитания.

Этот вопрос принципиально важен, как и для пенитенциарной психологии, так и для пенитенциарной педагогики. По обоснованному мнению Семеновой С.А., альтернативой асоциальной субкультуре мест лишения свободы является формирование подлинно воспитывающего коллектива осужденных [15, с.9].

Эта проблема является сложной, поэтому неудивительно наличие различных точек зрения. Так представители первой точки зрения признают реальную возможность формирования направленного воспитывающего коллектива осужденных и ставят такую задачу перед сотрудниками исправительных учреждений, поскольку общности осужденных присущи основные черты и функции коллектива, и хотя имеются некоторые особенности, они, однако, не меняют сущности этой общности как коллектива [16, с.14].

Представители второй точки зрения исходят из того, что особенности общности осужденных («псевдо-коллектива», по терминологии В.Н.Мясищева) настолько специфичны, что не позволяют говорить о коллективе как о полноценном субъекте воспитания [17, с. 245].

Сторонники первой точки зрения [16, с. 14] признают признаки коллектива осужденных разделяют обычно на общие, которые присущи всем коллективам и специфические, которые присущи только коллективам осужденных. К общим относятся: наличие общей социально полезной цели, это социологический признак; совместная деятельность, направленная на достижение определенной цели, и взаимоотношения, которые складываются в процессе ее реализации, а это уже социально-психологический признак; определенная организация, наличие органов самоуправления, это управленческий признак.

Думается, что к специфическим признакам коллектива осужденных в первую очередь нужно отнести: закрытый тип; состоит из преступников, изолированных от общества; принудительное пребывание; его деятельность детально регламентирована

нормами исправительного законодательства; они ограничены в связях с другими коллективами; администрация имеет властный характер; данный коллектив осужденных характеризуется, иногда, большими различиями, как в социально-демографическом, нравственным, интеллектуальном и др. отличиями. К специфическим особенностям коллектива осужденных нужно отнести обстоятельства, которые неблагоприятно воздействуют с педагогической точки зрения, однако, их можно нейтрализовать или устранить методически разумной организацией дела, не умоляя воспитательного эффекта лишения свободы. фактически оказавшегося реалиями современных российских мест отбытия подобного уголовного наказания.

Нам видится целесообразным в максимальной степени предложить снизить число населения современных российских мест отбывания назначенного судом наказания в виде лишения свободы. Активная деятельность федерального российского законодателя, предоставляющая подобные права в самом широком плане, вполне наглядно способна иллюстрировать указанную сентенцию. Снижение числа осужденных, содержащихся в местах лишения свободы Российской Федерации, в значительной степени позволит высвободить для последующего решения более значимых для государства и общества задач значительные массы персонала органов и учреждений ФСИН РФ. Крайне поучительным в современных условиях вполне способна стать историческое компаративистское исследование практики реформирования деятельности отечественных мест лишения свободы в период второй мировой войны [18, с. 25]. Возможно, по итогам комплексного мозгового штурма, инициированного соответствующими научно-исследовательскими российскими центрами, представители отечественной теории уголовно-исполнительного права смогут сформулировать концептуальные моменты, актуальные для реформирования соответствующего сегмента российского национального законодательства, равно как и практики его применения.

Не всякая организованная группа является коллективом, она может стать им только при наличии определенных условий, относящихся к особенностям организации, функционирования и цели деятельности. Коллектив - это организованная группа, в которой члены объединены общими ценностями, целями и задачами деятельности, которые значимы для группы в целом и для каждого её члена в отдельности, где межличностные отношения опосредуются общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности. Только такая группа, обладающая всеми перечисленными признаками, может считаться коллективом.

Объединение индивидов на основе общественно полезной деятельности, что, естественно, отличает коллектив от корпорации, осознание и принятие ими цели этой деятельности – это необходимый, но недостаточный признак коллектива. Уровень развития группы определяется также характером внутrigрупповых взаимоотношений и сплоченностью.

Существует еще один признак коллектива – управленческий, который проявляется в особенностях организации общности осужденных. Таким образом, специфические особенности общности осужденных обуславливают сложность констатации наличия у них в той или иной степени общих признаков коллектива. Для сравнения можно сослаться на некоторые исследования ученых, анализирующих состояние современной групповой преступности в местах лишения свободы [19, с. 51]. Соответственно, нет оснований сейчас утверждать об отсутствии даже потенциальной возможности формирования коллектива в местах отбывания назначенного судом наказания в виде лишения свободы.

Мы не отрицаем роль и значение организованных групп осужденных как воспитывающего фактора. В этой работе акцентируется внимание на том, что группы осужденных, как правило, не достигают высшей степени развития. Находясь на определенной стадии развития коллектива осужденных, они могут способствовать

правильной организации поведения своих членов. И, напротив, как показывает практика, реальностью сегодня является и организованная преступность в местах лишения свободы [20, с.37].

Другой важнейшей, на наш взгляд, составляющей социальной среды является неформальные группы осужденных, которые, при всей своей специфике, являются порождением уникальной социальной среды. Они формируются внутри нее в силу объективных и естественных причин. Основой для формирования этих неформальных групп в местах лишения свободы, является потребность в общении, как естественная и важнейшая потребность человека. В условиях исправительного учреждения формирование таких групп происходит, порой, более интенсивно. Объяснить это возможно наличием разрыва существовавших ранее социально полезных связей и личных отношений, замкнутость социальной среды. Все это обуславливает дефицит общения. Как следствие, имеет место повышенная контактность. Она используется, как в воспитательных, так и оперативных целях.

Эти неформальные группы, в зависимости от входящих в них членов, могут иметь разную направленность, как положительную, нейтральную, так и отрицательную. Именно такие малые (и не только) группы являются основными субъектами межгруппового взаимодействия в социальной среде осужденных и выступают важнейшим показателем успешной адаптации к социальной среде. Все процессы, происходящие в малых группах, определяют характеристику социальной среды осужденных, как повышенную конфликтность в местах лишения свободы.

Заключение (Выводы).

Авторами предпринята попытка рассмотреть с инновационной точки зрения общественные отношения, складывающиеся между лицами, лишенными свободы по приговору суда, составляющими особую форму коллектива. Как показывают итоги произведенных нами изысканий, степень сплоченности таких неформальных (порой) коллективов может варьироваться в самых широких пределах. Предлагается не отделять от общества его оступившихся членов, содержащихся (не всегда сугубо по собственной воле) в местах отбывания такого наказания и, соответственно, фактически, оказавшихся структурированных в коллектив. От воспитательного процесса, производимого в отношении подобных субъектов, во многом зависит траектория поведения таких лиц в период после освобождения из места лишения свободы. Это может способствовать выработке сугубо правопослушного поведения, свойственному добропорядочному гражданину и иному члену социума. При серьезных недостатках такой профилактической и воспитательной работы общество, порой, сможет столкнуться с объединенными в группы, сообщества, лиц со стойкой противоправной ориентацией, по сути, представителей организованной криминальной структуры. В работе предлагается вновь обратить внимание на классовый характер реализуемой государством политики в сфере уголовного права, процесса, криминалистики, экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Историко-компаративистский анализ данной проблемы способен дать импульс формулировке инновационных предложений, адресованных федеральному российскому законодателю, преследующих цель совершенствование действующего сейчас пространства отечественного правового государства.

Список литературы:

[1] Комбаев, А.В. *Практики социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы: монография* / А. В. Комбаев. - Улан-Удэ : ФГБОУ ВО БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2020. 58 с.

[2] Зауторова, Э.В. *Психологический климат в среде осужденных, отбывающих лишение свободы [Текст]: монография* / Эльвира Викторовна Зауторова; Федеральная служба

исполнения наказаний, Научно-исследовательский институт. - М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. 107 с.

[3] Храброва Е.В., Чернышенко Е.В. Вопросы реализации механизма оставления в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия // *Пенитенциарная наука*. 2016. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-realizatsii-mehanizma-ostavleniya-v-vospitatelnyh-koloniyah-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody-dostigshih-sovershennoletiya> (дата обращения: 04.07.2024).

[4] Махиянова, А.В. Конфликт как социальный феномен в современных школах (на примере городских общеобразовательных школ РФ) : монография / А. В. Махиянова, Д. М. Шакирова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный энергетический университет». - Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2020. - 124 с.

[5] Войтова, Л.М. Девиантное поведение, трансформация понятий нормы и отклонения в современном российском обществе: дисс. ... канд. соц. н.: 22.00.04. М., 2002. 136 с.

[6] Шошин С.В. Проблемы определения категории «цель» в современном российском уголовном праве // *Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: матер. IV Российского конгресса уголовного права*. М.: Проспект, 2009. С. 427.

[7] Борисенко Н.Н. Концепт «другого» в историко-философской ретроспективе // *Kant*. 2022. №2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-drugogo-v-istoriko-filosofskoy-retrospektive> (дата обращения: 04.07.2024).

[8] Ветюшкин С. А. Тюрьма и общество // *Антиномии*. 2005. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurma-i-obschestvo> (дата обращения: 04.07.2024).

[9] Левинсон А.Г. Неформальные структуры в местах принудительного содержания // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2016. №3-4 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnye-struktury-v-mestah-prinuditelnogo-soderzhaniya> (дата обращения: 04.07.2024).

[10] Бурмагин, С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография / С. В. Бурмагин. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 351.

[11] Унтеров, В. А. Преступления против жизни и здоровья, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях: монография / В. А. Унтеров; Федеральная служба исполнения наказаний, Самарский юридический институт. - Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2019. 165 с.

[12] Колесов В.И., Силенков В.И. К вопросу о патриотическом воспитании осужденных в местах лишения свободы // *Ведомости УИС*. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-patrioticheskom-vospitanii-osuzhdennyh-v-mestah-lisheniya-svobody> (дата обращения: 04.07.2024).

[13] Поникаров В.А. Основные направления работы с осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях, по профилактике насильственных действий сексуального характера // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2021. №1 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-raboty-s-osuzhdennymi-soderzhaschimisya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-po-profilaktike-nasilstvennyh-deystviy> (дата обращения: 18.06.2024).

[14] Фролов, С.С. Социология: учебник для студентов высших учебных заведений / С. С. Фролов. 4-е изд. М.: Гардарики, 2008. 343 с.

[15] Семенова, С.А. Гуманизация учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях: дисс. ... канд.пед.н.: 13.00.01. Коломна, 2003. 262 с.

[16] Чопик, О.А. Пенитенциарная педагогика в схемах и таблицах : учебное пособие

/ О. А. Чопик, Н. Н. Ивашко; Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний». - Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2021. 143 с.

[17] Руженцев, С.Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах истории России: дисс. ... д.филос.н.: 09.00.05 / Руженцев Сергей Евгеньевич; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2018. С. 245.

[18] Нарышкина Н.И. Особенности функционирования тюрем СССР в первые месяцы Великой отечественной войны // Человек: преступление и наказание. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-tyurem-sssr-v-pervye-mesyatsy-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 04.07.2024).

[19] Бондаренко С.В. К вопросу о групповой преступности в местах лишения свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grupповой-prestupnosti-v-mestah-lisheniya-svobody> (дата обращения: 04.07.2024).

[20] Ромашов Р.А. Организованная пенитенциарная преступность: понятие и противодействие // Ведомости УИС. 2016. №5 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizovannaya-penitentsiarnaya-prestupnost-ponyatie-i-protivodeystvie> (дата обращения: 04.07.2024).

References:

[1] Kombaev, A.V. Practices of social adaptation of convicts in places of deprivation of liberty: monograph / A.V. Kombaev. - Ulan-Ude: FGBOU VO BGSKhA im. V.R. Filippov, 2020. 58 p.

[2] Zautorova, E.V. Psychological climate among convicts serving sentences [Text]: monograph / Elvira Viktorovna Zautorova; Federal Penitentiary Service, Research Institute. - М.: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. 107 p.

[3] Khrabrova E.V., Chernyshenko E.V. Issues of implementing the mechanism for leaving convicts sentenced to imprisonment who have reached the age of majority in educational colonies // Penitentiary Science. 2016. No. 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-realizatsii-mehanizma-ostavleniya-v-vospitatelnykh-koloniyah-osuzhdennykh-k-lisheniyu-svobody-dostigshih-sovershennoletiya> (accessed 07/04/2024).

[4] Makhyanova, A.V. Conflict as a social phenomenon in modern schools (on the example of urban comprehensive schools of the Russian Federation): monograph / A. V. Makhyanova, D. M. Shakirova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kazan State Power Engineering University». - Kazan: Kazan State Power Engineering University, 2020. - 124 p.

[5] Voitova, L.M. Deviant behavior, transformation of the concepts of norm and deviation in modern Russian society: diss. ... Cand. Soc. N.: 22.00.04. М., 2002. 136 p.

[6] Shoshin S.V. Problems of defining the category «goal» in modern Russian criminal law // The category «goal» in criminal, penal law and criminology: Proc. IV Russian Congress of Criminal Law. М.: Prospect, 2009. P. 427.

[7] Borisenko N.N. The concept of «other» in historical and philosophical retrospective // Kant. 2022. No. 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-drugogo-v-istoriko-filosofskoy-retrospektive> (accessed 07/04/2024).

[8] Vetoshkin S. A. Prison and Society // Antinomies. 2005. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurma-i-obschestvo> (accessed 07/04/2024).

[9] Levinson A. G. Informal Structures in Places of Detention // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2016. No. 3-4 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnye-struktury-v-mestah-prinuditelnogo-soderzhaniya> (date accessed: 04.07.2024).

[10] Burmagin, S.V. Judicial proceedings and decisions in the criminal justice system:

monograph / S. V. Burmagin. Moscow: Yurlitinform, 2021. S. 351.

[11] Unterov, V.A. *Crimes against life and health committed by convicts in correctional institutions: monograph* / V.A. Unterov; Federal Penitentiary Service, Samara Law Institute. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. 165 p.

[12] Kolesov V.I., Silenkov V.I. *On the issue of patriotic education of convicts in places of deprivation of liberty* // *Vedomosti UIS*. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-patrioticheskom-vospitanii-osuzhdennykh-v-mestah-lisheniya-svobody> (date of access: 07/04/2024). [13] Ponikarov V.A. *Main areas of work with convicts held in correctional institutions on the prevention of violent acts of a sexual nature* // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 1 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-raboty-s-osuzhdennymi-soderzhaschimisya-v-ispravitelnykh-uchrezhdeniyah-po-profilaktike-nasilstvennykh-deystviy> (accessed 06/18/2024).

[14] Frolov, S.S. *Sociology: textbook for students of higher educational institutions* / S. S. Frolov. 4th ed. Moscow: Gardariki, 2008. 343 p.

[15] Semenova, S.A. *Humanization of the educational process in educational colonies: diss. ... Cand. Ped. Sci.: 13.00.01. Kolomna, 2003. 262 p.*

[16] Chopik, O.A. *Penitentiary pedagogy in diagrams and tables: a textbook* / O. A. Chopik, N. N. Ivashko; Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service». - Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the FSIN of Russia, 2021. 143 p.

[17] Ruzhentsev, S.E. *The problem of morality and politics in the socio-cultural processes of the history of Russia: diss. ... Doctor of Philosophy: 09.00.05 / Ruzhentsev Sergey Evgenievich; [Place of protection: Ivan. state University]. Ivanovo, 2018. P. 245.*

[18] Naryshkina N.I. *Features of the functioning of prisons of the USSR in the first months of the Great Patriotic War* // *Man: crime and punishment*. 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-tyurem-sssr-v-pervye-mesyatsy-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed 07/04/2024).

[19] Bondarenko S.V. *On the issue of group crime in places of deprivation of liberty* // *Gaps in Russian legislation*. 2016. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gruppovoy-prestupnosti-v-mestah-lisheniya-svobody> (date accessed: 04.07.2024).

[20] Romashov R.A. *Organized penitentiary crime: concept and counteraction* // *Vedomosti UIS*. 2016. No. 5 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizovannaya-penitentsiarnaya-prestupnost-ponyatie-i-protivodeystvie> (accessed 07/04/2024).

СУХОРИКОВА Анна Андреевна,

магистрант 2 курса Юридического института, кафедра предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,

e-mail: aa.sukhorukova@yandex.ru

ПОНЯТИЕ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ЛИЦА В СПОРАХ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ИСКЛЮЧЕНИИ ДОЛЖНИКА ИЗ ЕГРЮЛ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия контролирующего лица в плоскости привлечения к субсидиарной ответственности при исключении общества из ЕГРЮЛ. Автор изучает понятие контролирующего лица по смыслу Гражданского кодекса и Закона о банкротстве и анализирует цели законодательного закрепления круга контролирующих субъектов. Обосновывается целесообразность распространения банкротного понимания контролирующего лица на отношения защиты кредиторов при административной ликвидации первоначального должника.*

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, исключение из ЕГРЮЛ, контролирующее лицо, юридическое лицо, банкротство, корпоративное право.*

SUKHORUKOVA Anna Andreevna,

South Ural State University, 2nd year master's student of the Law Institute, Russia, Chelyabinsk

THE CONCEPT OF A CONTROLLING PERSON IN DISPUTES ON SUBSIDIARY LIABILITY FOLLOWING THE REMOVAL OF A DEBTOR FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES

Annotation. *The article is devoted to the study of the concept of a controlling person in the context of subsidiary liability when a company is excluded from the Unified State Register of Legal Entities (EGRUL). The author examines the concept of a controlling person under the Civil Code and the Bankruptcy Law and analyzes the purposes of the legislative delineation of the circle of controlling persons. The article substantiates the expediency of extending the bankruptcy concept of a controlling person to the protection of creditors' rights in cases of administrative liquidation of the original debtor.*

Key words: *subsidiary liability, removal from the Unified State Register of Legal Entities, controlling person, legal entity, bankruptcy, corporate law.*

Понятие субсидиарной ответственности довольно обширно – в него входит и «автоматическая» ответственность, при которой есть основной должник и дополнительный (как, например, в ситуации договора поручительства), и «деликтное» значение ответственности, которое, в свою очередь, тоже имеет ответвления – например, институты субсидиарной ответственности в банкротном и корпоративном законодательстве. В первом случае – в ситуации «автоматической» субсидиарной ответственности, для её возникновения не нужно анализировать поведение субсидиарного должника по отношению к первоначальному. В случае же «деликтного» значения субсидиарной ответственности в её состав, среди прочего, входит элемент контроля субсидиарного должника над первоначальным.

В настоящей статье понятие контролирующего лица анализируется в особой плоскости правоотношений – в ситуации привлечения к субсидиарной ответственности при исключении юридического лица из ЕГРЮЛ. Эта сфера заслуживает отдельного внимания, поскольку отличается от классического механизма банкротства, где выявление и оценка действий контролирующих лиц, само установление контроля, происходит в рамках конкурсной процедуры с использованием особых процессуальных инструментов, ряда презумпций и участия арбитражного управляющего.

При исключении должника из реестра речь идёт о так называемом «недействующем юридическом лице», признаки которого закреплены в статье 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [6, ст. 21.1]. Исключение носит административный характер и не предполагает формирования ликвидационной комиссии, составления ликвидационного баланса и не обеспечивает расчётов с кредиторами. Кредитор в такой ситуации лишается возможности предъявить требования к самому обществу, поскольку оно формально перестаёт существовать.

В этих условиях единственным адресатом притязаний становятся лица, определявшие деятельность исключённого общества. Именно поэтому понятие контролирующего лица в рассматриваемой плоскости приобретает особое значение: оно служит связующим звеном между долгом исключённого из реестра должника и ответственностью конкретных физических лиц.

В юридической литературе и творчестве высших судов довольно тщательно исследовалось понятие контролирующего должника лица в рамках субсидиарной ответственности при банкротстве. Так, К.И. Евтеев определяет статус контролирующих должника лиц «как разновидность специального правового статуса, обусловленного наличием обязанности действовать добросовестно и разумно,

учитывая как интересы самой контролируемой компании, так и ее кредиторов, а также нести негативные последствия ее нарушения с одновременным предоставлением материально-правовых и процессуальных гарантий защиты его прав и законных интересов, выражающихся в установлении условий и пределов такой ответственности, а также изменении процессуального статуса контролирующих должника лиц в ходе производства по делу о банкротстве» [1, с.8].

Исходя из позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного суда РФ №53, «по общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия. При этом важно заметить, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т. п.)» [8, п.3].

Между тем, понятие контролирующего лица применительно к спорам о внебанкротной субсидиарной ответственности (при административной ликвидации должника) не поддавалось такому кропотливому анализу и исследованию, несмотря на продолжительный период, в рамках которого действует норма [5, п. 3.1 ст. 3], посвященная субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества.

В связи с этим представляется разумным обратиться к банкротному и гражданскому законодательству – чтобы определить, какие дефиниции даются понятию контролирующего лица и для каких правовых целей. Это позволит, используя метод сравнительного анализа, выявить цель установления круга контролирующих лиц по смыслу п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО»).

1. «Контролирующее лицо» с

точки зрения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и цели установления этого понятия

В соответствии со ст. 61.10 Закона о банкротстве [4, п. 1 ст. 61.10], под контролирующим должником понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

При этом, в соответствии с п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве, возможность определять действия должника может достигаться:

1) в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

2) в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

3) в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо лиц, указанных в подпункте 2 пункта 4 настоящей статьи, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника);

4) иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

Введение категории «контролирующее лицо» в законодательство о несостоятельности (банкротстве) имеет комплексный характер и преследует несколько целей, тесно связанных с обеспечением баланса интересов должника, его участников и кредиторов.

Во-первых, законодатель использует данное понятие для идентификации лиц, уполномоченных действовать от имени юридического лица – должника в ходе процедур банкротства, где требуется четкое понимание, кто именно формирует волю организации и представляет её интересы.

Во-вторых, дефиниция позволяет определить субъектов, которые фактически выступают представителями участников (учредителей) юридического лица в правоотношениях, возникающих в процессе банкротства, и тем самым обеспечивают их участие в судьбе должника.

В-третьих, установление круга контролирующих лиц направлено на выявление тех субъектов, на которых в силу их реального влияния на деятельность должника может быть возложена субсидиарная ответственность перед кредиторами и самим должником.

Таким образом, институт контроля в рамках законодательства о банкротстве служит не только инструментом процессуальной идентификации представителей, но и важнейшим механизмом защиты имущественных интересов кредиторов при недобросовестных деяниях управляющих должником лиц.

При этом, в п. 2.2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» [10, п. 2.2] указано, что суд может признать лицо контролирующим по любым иным доказанным основаниям (пункт 5 статьи 61.10), которые прямо в законе не указаны.

Этими основаниями могут служить, например, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-разыскными мероприятиями, например, совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т.п.

Можно предположить, что целью такого расширенного толкования налоговым органом

законодательства о банкротстве является точное определение реальных бенефициаров, скрывающихся за формальными структурами управления должника. Такая позиция направлена на предотвращение схем ухода от ответственности, когда номинальные руководители или участники прикрывают деятельность фактических выгодоприобретателей. Введение в практику критериев вроде совместного проживания, общей профессиональной или образовательной биографии служит инструментом «прокалывания корпоративной вуали».

2. «Контролирующее лицо» с точки зрения статьи 53.1 Гражданского кодекса и цели установления этого понятия

В п. 1-3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ [3, п. 1-3 ст. 53.1] не используются термины «контроль» и «контролирующее лицо», но именно в них определяется круг лиц, ответственных за убытки, виновно причиненные юридическому лицу. И это следующие субъекты: лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочены выступать от имени юридического лица; члены коллегиальных органов юридического лица; субъекты, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам из первых двух перечисленных категорий.

Прежде чем перейти к анализу целей установления перечня контролирующих лиц в данной статье, нужно заметить, что именно к этому списку субъектов отсылает п. 3.1 ст. 3 ФЗ Об ООО, которым установлена возможность привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенной из реестра компании. То есть перечисленные в п. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ лица являются контролирующими общество субъектами, которые могут нести субсидиарную ответственность по обязательствам общества, исключенного из ЕГРЮЛ.

Статья 53.1 ГК РФ исходит из идеи внутрикорпоративной ответственности. Контролирующее лицо в этих отношениях – это субъект, который фактически «пользуется»

юридическим лицом, даёт указания его органам и влияет на его действия. Интерес, который охраняется здесь, – это интерес самого юридического лица (и опосредованно его участников), пострадавшего от недобросовестных и неразумных распоряжений. Иск о возмещении убытков предъявляется самим обществом либо участниками в его интересах (*derivative suit*). Таким образом, речь идёт об ответственности перед корпорацией.

Совершенно иная логика у п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Здесь законодатель использует ту же категорию контролирующего лица (отсылая к ст. 53.1 ГК РФ), но вводит её уже в плоскости внешней, кредиторской защиты. Общество исключено из ЕГРЮЛ, как должник оно исчезло, и возможность предъявить иск к самому юридическому лицу отсутствует. Поэтому в данной ситуации именно кредитор становится заявителем, и защищается уже его частный интерес – восстановление нарушенного права требования к должнику. Субсидиарная ответственность контролирующих субъектов работает как «заместитель» утраченной возможности предъявить иск к юридическому лицу.

Отсюда и правовая дихотомия: в первом случае (ст. 53.1 ГК) – это деликтная ответственность перед самим юридическим лицом, во втором (п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО) – деликтная субсидиарная ответственность перед третьими лицами (кредиторами). Эти два института принципиально различаются по характеру охраняемого интереса и по субъекту, уполномоченному инициировать защиту. Соответственно, возникает ситуация, при которой мы не можем говорить о единой природе интереса при двух различных видах ответственности, но притом вынуждены пользоваться одним и тем же пониманием контролирующего лица – для целей разных по своей сущности правовых институтов.

Представляется, что для института субсидиарной ответственности контролирующего лица по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества более родственным будет именно институт субсидиарной ответственности в банкротстве. Сходство этих правовых механизмов

отслеживается по нескольким ключевым критериям.

Во-первых, в обоих случаях речь идёт об ответственности перед кредиторами, то есть внешней ответственности, направленной на защиту интересов третьих лиц, утративших возможность получить исполнение от должника.

Во-вторых, субъектом, инициирующим процесс привлечения к ответственности, является кредитор или лицо, действующее в его интересах (в банкротстве – конкурсный управляющий), тогда как в конструкции статьи 53.1 ГК РФ истцом выступает само юридическое лицо или его участники, действующие в интересах общества.

В-третьих, в обоих видах субсидиарной ответственности целью является компенсация неудовлетворённых обязательств должника, в то время как по статье 53.1 ГК РФ компенсируются убытки, причинённые самому юридическому лицу.

В-четвёртых, общим является публичный интерес в обеспечении устойчивости гражданского оборота: институт субсидиарной ответственности в банкротстве и при исключении из ЕГРЮЛ служит гарантией сохранности интересов кредиторов и предотвращения злоупотреблений, связанных с использованием конструкции юридического лица как средства личной выгоды.

Таким образом, законодатель, формулируя норму о субсидиарной ответственности при административной ликвидации общества, в качестве критерия для определения круга ответственных лиц использовал отсылку к статье 53.1 ГК РФ, регуливающей совершенно иной по своей природе институт – институт возмещения

убытков в пользу самого юридического лица. Фактически речь идёт о том, что дефиниция контролирующего лица, разработанная для целей внутренней защиты интересов корпорации и её имущественной сферы, механически перенесена в сферу внешней защиты интересов кредиторов.

Это порождает определённый диссонанс: круг лиц, обладающих обязанностью действовать добросовестно и разумно в интересах общества и нести перед ним ответственность за причинённые убытки, совпадает с кругом лиц, которые по другому основанию могут быть привлечены к субсидиарной ответственности уже перед кредиторами исключённого из реестра общества. Тем самым один и тот же понятийный аппарат служит двум различным правовым целям – внутренней компенсации ущерба самому юридическому лицу и внешней компенсации неудовлетворённых требований его кредиторов.

Такое смешение правовых конструкций свидетельствует о стремлении законодателя к унификации понятийного аппарата, но одновременно актуализирует вопрос о соотношении правовой природы этих двух видов ответственности. Более последовательным и логически оправданным представляется использование в данной ситуации именно банкрутного понимания контролирующего лица, закреплённого в главе III.2 Закона о несостоятельности (банкротстве), поскольку оно изначально ориентировано на защиту интересов кредиторов и выработано с учётом механизмов выявления фактического влияния на деятельность должника, что гораздо ближе по своей природе к институту субсидиарной ответственности при исключении общества из ЕГРЮЛ.

Список литературы:

- [1] Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): дис... канд. юрид. наук. М., 2017. 190 с.
- [2] Соболев С. И. Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. 73 с.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ

(ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. №32. ст. 3301.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №43. ст. 4190.

[5] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. №7. ст. 785.

[6] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. №33 (ч. 1). ст. 3431.

[7] Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 01.08.2025)

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Российская газета». № 297. 29.12.2017.

References:

[1] Evteev K. I. Subsidiary liability of persons controlling the debtor in case of cross-border insolvency (bankruptcy): diss... Cand. of Law. Moscow, 2017. 190 p.

[2] Sobolev S. I. Dissection of the institution of subsidiary liability in the administrative liquidation of the debtor // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 6. 73 p.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[4] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 31.07.2025) «On Insolvency (Bankruptcy)» // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

[5] Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 08.08.2024) «On Limited Liability Companies» (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.

[6] Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ (as amended on 28.12.2024) «On state registration of legal entities and individual entrepreneurs» // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part 1). art. 3431.

[7] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 No. SA-4-18/16148@ «On the application by tax authorities of the provisions of Chapter III.2 of the Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ» // SPS Consultant Plus (accessed 08/01/2025)

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.12.2017 No. 53 «On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy» // «Rossiyskaya Gazeta». No. 297. 29.12.2017.

ГОРБУНОВ Сергей Валерьевич,

*аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,*

Россия, Мурманск,

e-mail: sergeygorbunov@bk.ru,

телефон: 8 (815-2) 21-38-75

Научный руководитель:

ГЛУШАЧЕНКО Сергей Борисович,

*доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права юридического факультета
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,*

Россия, Мурманск,

e-mail: glushachenkosb@mauniver.ru,

телефон: 8 (815-2) 21-38-75

ИДЕОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ РОСПОТРЕБНАДЗОРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. Деятельность Роспотребнадзора является примером реализации концепции естественного права, где приоритет отдаётся обеспечению условий для нормальной жизнедеятельности всех членов общества. Его функционирование служит гарантией конституционных прав граждан на жизнь, здоровье и благополучие, реализуя таким образом фундаментальные принципы правовой государственности и социальной справедливости.

Таким образом, философия права позволяет глубже осмыслить роль и значение Роспотребнадзора в обеспечении баланса между правами отдельного индивида и общественными интересами, подчеркивая значимость такого института для стабильного развития современного российского общества.

В статье раскрывается основная суть идеологии и функции Роспотребнадзора в контексте философии права.

Ключевые слова: Роспотребнадзор, правовая система, регулятор, надзор, философия права, гражданское право, бизнес, потребитель.

GORBUNOV Sergey Valerievich,

*Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law,
Faculty of Law, Murmansk Arctic University,*

Russia, Murmansk,

e-mail: sergeygorbunov@bk.ru,

phone: 8 (815-2) 21-38-75

Academic supervisor:

GLUSHACHENKO Sergey Borisovich,

*Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Faculty of Law, Murmansk Arctic University, Russia, Murmansk,*

e-mail: glushachenkosb@mauniver.ru,

phone: 8 (815-2) 21-38-75

IDEOLOGY AND FUNCTIONS OF RSPOTREBNADZOR IN CONTEXT PHILOSOPHY OF LAW

Annotation. *The activities of Rospotrebnadzor are an example of the implementation of the concept of natural law, where priority is given to ensuring conditions for the normal life of all members of society. Its functioning serves as a guarantee of the constitutional rights of citizens to life, health and well-being, thus implementing the fundamental principles of legal statehood and social justice.*

Thus, the philosophy of law allows us to more deeply understand the role and significance of Rospotrebnadzor in ensuring a balance between the rights of an individual and public interests, emphasizing the importance of such an institution for the stable development of modern Russian society.

The article reveals the main essence of the ideology and functions of Rospotrebnadzor in the context of the philosophy of law.

Key words: *Rospotrebnadzor, legal system, regulator, supervision, philosophy of law, civil law, business, consumer.*

Каждое государство, претендующее на социальную ответственность, нуждается в институтах, способных превратить абстрактные принципы в реальные механизмы. В этом смысле Роспотребнадзор – не просто исполнительный орган. Это структура, которая «материализует» философские основания современной российской правовой системы. Через него государство говорит гражданину: «Ты не один на рынке, ты не брошен перед лицом корпораций и тех, кто может воспользоваться твоей уязвимостью». Эта реплика – не фигура речи, а существо идеологии, в которую вшиты гуманизм, идея справедливого вмешательства и патерналистская ответственность.

Роспотребнадзор – продолжение той линии, которую мы наметили ранее: от философии Гегеля, трактующего государство как выражение этического духа народа, до конкретных нормативных механизмов, регулирующих продажу йогуртов, организацию детских лагерей и санитарное состояние школ. Всё это – проявления одной и той же логики: государство обязано вмешиваться там, где отдельный человек не способен защитить себя сам. В идеологическом плане служба является мостом между правом как системой норм и правом как воплощённой справедливостью.

На институциональном уровне Роспотребнадзор совмещает несколько ролей. С одной стороны, он – регулятор: он издаёт предписания, проверяет, наказывает. С другой

– просветитель и медиатор: он разъясняет, консультирует, формирует повестку. Это делает службу уникальной в системе российского надзора, потому что её деятельность лежит не только в плоскости принуждения, но и в плоскости идеологического сопровождения правопорядка. Она не просто борется с нарушениями, она продвигает модель ответственного поведения – как со стороны бизнеса, так и со стороны потребителя.

В этом смысле служба становится своего рода транслятором тех ценностей, которые государство считает базовыми: доверие к праву, уважение к личности, ответственность перед обществом. Причём делает это в форме повседневного правоприменения – в работе с жалобами, в инспекциях, в судебной практике. Именно через Роспотребнадзор абстрактная формула «правовое государство» начинает говорить с человеком на понятном языке – языке санитарных норм, безопасности продукции, возврата некачественного товара и компенсации морального вреда. И этот язык оказывается куда убедительнее лозунгов.

Важно также то, что Роспотребнадзор действует в пространстве, которое напрямую связано с телом, здоровьем и базовой безопасностью человека. Это придаёт его функциям особую этическую значимость. Здесь речь идёт не только о защите прав как формальной категории, но и о защите условий жизни. И в этом – глубокая философская подоплёка службы: она стоит на страже не абстрактных интересов, а самого основания

человеческого существования в обществе. Это придаёт её действиям вес, выходящий за рамки административного контроля. Она участвует в формировании этического профиля государства.

Рассматривать Роспотребнадзор как просто технический аппарат – значит упускать суть. Его существование и практика – это отражение правовой философии, где индивиду не просто гарантируются права, но где создаются условия для их реального осуществления. Это правоприменение как форма заботы. И именно поэтому служба заслуживает внимания не только юристов, но и философов, поскольку она воплощает диалог между нормой и ценностью, между правом и этикой, между свободой и ответственностью.

В основе деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека лежат принципы, которые отражают фундаментальные положения современного правопонимания и соотносятся с основными концептами философии права. Один из ключевых принципов, определяющих идеологическую направленность функционирования Роспотребнадзора, – это приоритет прав потребителя. Эта установка предполагает, что в условиях рыночной экономики субъект, находящийся в заведомо слабой позиции по сравнению с производителем или продавцом, требует особой защиты со стороны государства. Тем самым реализуется идея позитивной свободы, понимаемой не как свобода от вмешательства, а как возможность для личности действительно осуществлять свои права в реальности, а не только в нормативном пространстве.

Данный принцип является продолжением концепции правового патернализма, согласно которой государственное вмешательство в сферу частных отношений оправдано необходимостью обеспечить защиту наиболее уязвимых социальных групп. В случае потребительских отношений речь идёт не о формальном равенстве сторон, а о наличии системного дисбаланса в уровне информированности, ресурсов и возможностей. Поэтому именно на

государственные институты возлагается задача корректировать этот дисбаланс правовыми средствами – от установления стандартов качества до применения санкций за недобросовестные практики.

Другим важным принципом является поддержание баланса между индивидуальной свободой экономических субъектов и необходимостью государственного контроля. Служба не подменяет собой экономическую инициативу и не ограничивает свободу предпринимательства, однако выступает гарантом соблюдения правовых и этических норм, в рамках которых такая инициатива может реализовываться. Таким образом, Роспотребнадзор функционирует в пределах правового поля, одновременно регулируя и охраняющую, и ограничивающую стороны правовой системы. Это соотносится с философско-правовым пониманием права как формы упорядоченного ограничения: не произвольного, а институционально и нормативно обоснованного.

Особое внимание в деятельности службы уделяется превентивным мерам – санитарному просвещению, общественным рекомендациям, контролю за соблюдением нормативных требований в сфере безопасности продукции и услуг. В этих аспектах проявляется не только надзорная, но и профилактическая функция, ориентированная на создание условий, при которых нарушение прав потребителей становится маловероятным. Такая ориентация на упреждение нарушений отвечает гуманистическому вектору философии права, в котором акцент делается не на наказании, а на обеспечении условий справедливости и правомерности.

Важно отметить, что Роспотребнадзор в своей практике отстаивает не только формально-правовые интересы потребителя, но и более широкую категорию – интересы общественного благополучия. Это выражается, в частности, в санитарно-эпидемиологическом надзоре, контроле за условиями обучения и воспитания детей, а также в регулировании информационной среды в части рекламы товаров и услуг. Здесь осуществляется переход от частноправовой

логики к логике публичного права, что позволяет рассматривать Роспотребнадзор как связующее звено между личной безопасностью гражданина и общественным интересом, между индивидуальными правами и коллективной ответственностью.

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека функционирует не только как административно-правовой механизм, но и как выражение определённого мировоззренческого основания, тесно связанного с философией права. Нормативная и практическая деятельность Роспотребнадзора соотносится с ключевыми правовыми концептами – гуманизмом, справедливостью и идеей позитивной свободы, каждая из которых формирует специфический угол зрения на миссию государства в сфере защиты личности.

Прежде всего, гуманистический подход проявляется в фокусе на человеке как главной ценности права. В контексте деятельности Роспотребнадзора это означает, что нормативное регулирование ориентировано не на абстрактную эффективность системы, а на реальную защиту конкретного индивида – потребителя. Именно потребитель, часто лишённый доступа к специализированным знаниям, правовым ресурсам и влиянию, становится объектом особой правовой опеки. Такая ориентация на защиту слабой стороны в частноправовом взаимодействии соотносится с философским гуманизмом, который рассматривает право как инструмент служения достоинству личности, а не как выражение воли сильного.

Не менее важной является категория справедливости, которая в практике Роспотребнадзора приобретает форму нормативного уравнивания неравных субъектов в фактическом положении. Когда производитель располагает финансовыми, юридическими и технологическими преимуществами, а потребитель оказывается уязвимым, справедливость требует вмешательства третьей инстанции – публичной власти, выступающей гарантом процедурного равенства. Такая логика отсылает к правовой философии Джона Ролза,

в которой государственное вмешательство в рынок оправдано, если оно направлено на улучшение положения наименее защищённых членов общества. Иными словами, надзорные меры не являются препятствием справедливости, они представляют собой её операционализацию в условиях социального и экономического неравенства.

Третья важная философско-правовая категория – позитивная свобода, предполагающая не просто отсутствие внешних ограничений, а наличие условий для реализации собственной воли. В этой перспективе действия Роспотребнадзора направлены на создание среды, в которой потребитель может делать осознанный выбор, принимать решения, опираясь на достоверную информацию, и рассчитывать на защиту в случае нарушения его интересов. Такая свобода невозможна без нормативной и институциональной поддержки, без заранее заданных гарантий, создаваемых правом. Надзорная деятельность становится инструментом реализации свободы не через контроль как запрет, а через контроль как обеспечение возможностей.

Кроме того, многие аспекты практики Роспотребнадзора демонстрируют наличие внутренней правовой рефлексии – не просто формального следования предписаниям, но стремление выстраивать правоприменение в сопряжении с меняющимся общественным контекстом. Речь идёт о стремлении воспринимать нормы не как незыблемые конструкции, а как живой материал, подверженный постоянной корректировке, уточнению и интерпретации. Особенно это проявляется в развитии досудебных форм взаимодействия с потребителями и бизнесом, где акцент смещается с репрессивной модели на диалоговую, примирительную плоскость. Использование механизмов медиации, упрощённых процедур рассмотрения жалоб, электронных платформ для подачи обращений и отслеживания статуса проверок – всё это свидетельствует о растущем внимании к принципам открытости, доступности и соразмерности.

Важным признаком этой трансформации служит институциональное

стремление к транспарентности, когда Роспотребнадзор не просто осуществляет контроль, но делает это в сопровождении публичной отчётности, аналитических обзоров, разъяснительной работы. Тем самым надзор выходит за рамки функции пресечения и приобретает характер структурированного правового диалога с обществом, в котором гражданин не объект вмешательства, а участник нормативного взаимодействия. В этом кроется одно из свидетельств приближения к концепции «живого права», развитой в философско-правовой традиции, согласно которой право не существует как абстрактная система норм, но обретает подлинную значимость лишь в конкретных социальных практиках, в их способности к самоанализу и адаптации.

Именно это внутреннее критическое измерение, пронизывающее отдельные направления деятельности Роспотребнадзора, придаёт правоприменению философскую глубину. Оно позволяет говорить не только о норме как внешнем ограничителе, но и о норме

как выражении смысла – о праве, которое не замыкается в себе, а вступает в рефлексию с реальностью, подвергая сомнению собственные основания и тем самым укрепляя их. В условиях динамичного общества и правовой плюрализации это становится не роскошью, а необходимым условием сохранения легитимности надзорной функции как элемента справедливого правопорядка.

Тем самым, деятельность Роспотребнадзора через призму философии права предстает не как сумма технических процедур, а как проявление правового идеала – гуманного, справедливого и поддерживающего равенство в условиях социальной сложности. Служба реализует не просто административную функцию, но и более глубокую задачу – удерживать в правовом поле те зоны общественной жизни, где велик риск асимметрии, давления и уязвимости. И именно в этом контексте возможно рассматривать надзор не как форму ограничения свободы, а как условие её содержания.

Список литературы:

- [1] *Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2021 г. : гос. докл. - М. : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. - 224 с.*
- [2] Антосик Л. В. Способы и последствия ограничения конкуренции (на примере Волгоградской области) / Л. В. Антосик // *Региональная экономика: теория и практика. - 2020. - №2 39. - С. 45-50.*
- [3] Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. - М. : Прогресс, 2020. - 406 с.
- [4] Григорьева Л. Англия - страна Советов / Л. Григорьева. - М. : АСТ, 2018. - 331 с.
- [5] *Роспотребнадзор: история, структура, полномочия: аналитический обзор / под ред. Н. А. Ермаковой. — М.: НИЦ «Социальные технологии», 2021. — 144 с.*
- [6] Розмаинский И. В. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России / И. В. Розмаинский, А. С. Скоробогатов // *Экономическая наука современной России. - 2019. - № 4 (35). - С. 7-21.*
- [7] Лапаева В. В. Социальная функция права в условиях правового государства: теоретико-правовое исследование / В. В. Лапаева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2020. — 312 с.

References:

- [1] *Consumer Protection in the Russian Federation in 2021: state report. - Moscow: Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Wellbeing, 2021. - 224 p.*
- [2] *Antosik L. V. Methods and consequences of restricting competition (using the Volgograd*

Region as an example) / L. V. Antosik // *Regional Economics: Theory and Practice*. - 2020. - No. 2 39. - Pp. 45-50.

[3] Galbraith, J. K. *Economic Theories and the Goals of Society* / J. K. Galbraith. - Moscow: Progress, 2020. - 406 p.

[4] Grigorieva L. *England - the Land of the Soviets* / L. Grigorieva. - Moscow: AST, 2018. - 331 p.

[5] *Rospotrebnadzor: history, structure, powers: analytical review* / edited by N. A. Ermakova. - M.: Research Center «Social Technologies», 2021. - 144 p.

[6] Rozmainsky I. V. *Investment myopia as an institutional limiter of economic growth in post-Soviet Russia* / I. V. Rozmainsky, A. S. Skorobogatov // *Economic science of modern Russia*. - 2019. - No. 4 (35). - P. 7-21.

[7] Lapayeva V. V. *Social function of law in a rule-of-law state: theoretical and legal study* / V. V. Lapayeva. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2020. - 312 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-3-39-45

ДЖАФАРОВА Марина Эльчиновна

студент-бакалавр Дальневосточного Федерального Университета

e-mail: marina_elchinovna@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЕГО РОЛЬ, ПРИМЕНЕНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС

Аннотация. *Статья исследует роль искусственного интеллекта (ИИ) в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации, его практическое применение и правовые аспекты. Автор отмечает, что ИИ стал важным инструментом для правоохранительных органов, позволяя автоматизировать обработку больших данных, выявлять скрытые связи между преступниками и прогнозировать противоправные действия. Особое внимание уделяется внедрению таких технологий, как биометрическая идентификация, распознавание лиц (например, системы «Сфера» и «NtechLab»), анализ больших данных и цифровых следов, которые уже активно используются правоохранительными органами РФ.*

Подчеркивается, что применение ИИ в ОРД регулируется федеральными законами, включая № 144-ФЗ и № 149-ФЗ, а судебная практика подтверждает его допустимость при условии соблюдения прав граждан. Однако автор выделяет ряд существующих проблем: необходимость баланса между автоматизацией и человеческим контролем, риски нарушения конфиденциальности данных, этические вопросы и неполноту существующего правового регулирования.

В статье предлагаются изменения в уголовно-процессуальное законодательство РФ, направленные на четкое определение правового статуса ИИ, обеспечение прозрачности алгоритмов, защиту персональных данных и усиление судебного контроля. Особое значение придается тому, что ИИ должен оставаться вспомогательным инструментом, а окончательные решения должны принимать уполномоченные люди.

В заключение делается вывод, что грамотное регулирование ИИ в ОРД позволит повысить эффективность борьбы с преступностью, сохранив при этом права граждан и принципы верховенства права. Автор подчеркивает, что Россия может стать примером гармоничного сочетания технологий и правовых норм в этой сфере.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, оперативно-розыскная деятельность, биометрическая идентификация, распознавание лиц, правовое регулирование, персональные данные, судебный контроль, цифровая криминалистика, правоохранительные органы.*

DZHAFAROVA Marina Elchinovna,

a bachelor student at the Far Eastern Federal University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT INTELLIGENCE OPERATIONS: ROLES, APPLICATIONS, AND LEGAL FRAMEWORK

Annotation. *The article examines the role of artificial intelligence (AI) in operational-search activities (OSA) in the Russian Federation, its practical applications, and legal aspects. The author notes that AI has become an important tool for law enforcement agencies, enabling the automation of big data processing, uncovering hidden connections between criminals, and predicting unlawful activities. Particular attention is given to the implementation of technologies such as biometric*

identification, facial recognition (e.g., the «Sfera» and «NtechLab» systems), big data analysis, and digital forensics, which are already actively used by Russian law enforcement agencies.

It is emphasized that the use of AI in OSA is regulated by federal laws, including No. 144-FZ and No. 149-FZ, and judicial practice confirms its admissibility provided that citizens' rights are respected. However, the author highlights several existing challenges: the need to balance automation and human oversight, risks to data confidentiality, ethical concerns, and gaps in current legal regulations.

The article proposes amendments to Russian criminal procedure legislation aimed at clearly defining the legal status of AI, ensuring algorithmic transparency, protecting personal data, and strengthening judicial oversight. Special emphasis is placed on the principle that AI should remain an auxiliary tool, with final decisions to be made by authorized individuals.

In conclusion, the article argues that proper regulation of AI in OSA will enhance the effectiveness of crime-fighting while preserving citizens' rights and the rule of law. The author underscores that Russia could serve as an example of harmonizing technological advancements with legal norms in this field.

Key words: artificial intelligence, law enforcement intelligence, biometric identification, facial recognition, legal regulation, personal data, judicial control, digital forensics, law enforcement agencies.

В современном мире с развитием технологий искусственный интеллект (далее – ИИ) становится важным инструментом в различных сферах, в том числе в юриспруденции и правоохранительной деятельности. Особое значение ИИ приобретает в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), направленной на выявление, предупреждение и расследование преступлений [12]. Применение ИИ позволяет автоматизировать и ускорять обработку больших объемов данных, выявлять скрытые связи между событиями и субъектами, а также повышать эффективность работы правоохранительных органов. Однако использование ИИ в ОРД связано с рядом проблем, включая вопросы правового регулирования, этическую сторону, обеспечение конфиденциальности информации и необходимость сохранения контроля человека в принятии решений.

В России уже сегодня ИИ применяется в ОРД для повышения эффективности выявления преступников, анализа больших объемов данных и поиска скрытых связей между лицами и событиями [11]. Среди ключевых направлений – биометрическая идентификация, распознавание лиц и анализ цифровых следов. Так, Министерство внутренних дел РФ использует ИИ для распознавания лиц в потоке, проверки транспортных средств и

установления тождества подозреваемых по базе данных фотоизображений [6]. Для криминалистических целей применяются алгоритмы анализа видеоматериалов, идентификации огнестрельного оружия, почерка, анализа пятен крови и 3D-реконструкции лиц по черепу [10].

Важное место занимает интеграция ИИ с методами больших данных (Big Data), что позволяет правоохранительным органам выявлять паттерны поведения, коммуникации и финансовые схемы преступников, а также прогнозировать возможные преступные действия. Использование цифровой криминалистики с применением ИИ помогает извлекать информацию с мобильных устройств и компьютеров для подтверждения вины подозреваемых и раскрытия преступлений [10].

Среди уже используемых в России систем можно выделить:

1. Автоматизированная система биометрической идентификации лиц, одобренная и юридически поддерживаемая (в рамках статьи 11 федерального закона № 144-ФЗ) [12].
2. Программы распознавания лиц и анализа видеоданных в автоматизированных системах МВД [1, 3].
3. Системы анализа больших данных

для выявления связей в организованных преступных группах [7].

4. Современные цифровые криминалистические решения для работы с цифровыми доказательствами [8].

Все эти технологии поддерживаются в законодательном поле, включая обязательное получение судебных санкций для мероприятий, связанных с использованием технических средств слежки и вмешательством в частную жизнь граждан. Закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» обеспечивают правовые рамки для применения ИИ и защиты персональных данных.

Активнее всего ИИ применяется в сфере распознавания лиц. Ключевые системы из действующих на данный момент в России: «Сфера», «NtechLab» и «АвтоУраган-МС»

Система «Сфера» – это видеосистема с возможностями распознавания лиц, которая уже действует в Москве и ряде других регионов, и до конца 2025 года будет частично внедрена в Управление на транспорте МВД по Уральскому федеральному округу. Она способна идентифицировать лица пассажиров, находящихся в розыске, а также обнаруживать потерявшихся детей и пожилых людей. Благодаря «Сфере» МВД может быстро реагировать на правонарушения и снижать уровень преступности. Система строго контролируется и используется только для лиц, включённых в базы розыска [1, 3]

Система распознавания лиц от компании NtechLab используется в Москве и ещё нескольких регионах с 2019 года. Она применяется в видеонаблюдении и в носимых камерах полицейских. Камеры могут фиксировать лица на расстоянии до 4,5 метров и сравнивать с базой данных МВД в режиме реального времени. Система допускает распознавание по дополнительным признакам (походка, очки, борода), а также распознаёт транспортные средства по силуэту [6].

Мобильный комплекс «АвтоУраган-МС» с функцией автоматического

обнаружения лиц, предназначенный для патрульных автомобилей полиции. В режиме реального времени комплекс проверяет лица и номера транспортных средств, передавая данные на планшет инспектора для оперативного реагирования. Разработка была продемонстрирована на конференции МВД «ЦИФРОПОЛ-2025» и содержит технологии ИИ для повышения эффективности патрулирования [9].

Таким образом, в России уже осуществляется активное внедрение искусственного интеллекта в оперативно-розыскную деятельность с целью борьбы с организованной преступностью, терроризмом и иными угрозами безопасности, что подтверждается законодательной и технологической базой.

Судебная практика подтверждает законность использования таких систем, при условии соблюдения законодательства о персональных данных и ограниченности доступа к информации в целях обеспечения безопасности. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в решении от 15.03.2025 указал, что автоматическое распознавание лиц не нарушает права граждан при условии прозрачности и правомерности [2]

Таким образом, реализованные и внедряемые в России системы распознавания лиц уже эффективно используются в оперативно-розыскной деятельности. Они обеспечивают быструю идентификацию лиц, находящихся в розыске, и способствуют повышению уровня общественной безопасности.

Доктор юридических наук Качалова О.В. отмечает, что системы ИИ в ОРД, например, автоматизированная дактилоскопическая система «Папилон», уже широко используются и значительно экономят время и ресурсы правоохранительных органов, но необходимость расширения их применения связана с обеспечением правильного баланса между машинным и человеческим фактором [5].

Кандидат юридических наук Тарасов А.В. в соавторстве с Темзоковым А.В., подчеркивают перспективы применения ИИ в криминалистике и расследовании

преступлений, при этом выделяют необходимость высокого качества обучения нейросетей для эффективного использования криминалистических методов в современных условиях [10].

Ссылаясь на вышеуказанные работы, Каминская К.Э. рассматривает ИИ как вспомогательный элемент деятельности органов расследования и подчёркивает важность программируемых машинных рекомендаций, которые остаются справочно-консультативными, а окончательное решение остается за человеком. Она указывает на перспективы ИИ для повышения эффективности управления и снижения затрат на принятие решений [4].

По состоянию на 2025 год судебная практика в России по применению ИИ в оперативно-розыскной деятельности только формируется. Есть решения и постановления, указывающие на необходимость чёткого регламента использования ИИ-методов для получения доказательной базы. При этом суды подчеркивают, что использование ИИ должно соответствовать нормам действующего уголовно-процессуального законодательства, не нарушать права и законные интересы участников процесса, а также обеспечивать прозрачность и обоснованность решений, основанных на данных, полученных с помощью ИИ. Отдельные примеры показывают, что ИИ не рассматривается как самостоятельный субъект права и не может полностью заменить экспертизу и судебное решение, а служит только в качестве технического средства для поддержки расследования и доказывания [7].

Таким образом, исходя из вышеперечисленных точек зрения и судебной практики, мы предлагаем внести в российское законодательство изменения следующего характера:

- законодательно закрепить правовой статус систем ИИ как вспомогательных средств в оперативно-розыскной деятельности с чётким определением областей и границ их применения;

- ввести требования по обеспечению прозрачности алгоритмов и правил работы ИИ-систем, гарантирующих возможность контроля со стороны правоохранительных

органов и суда;

- установить нормы, регулирующие защиту персональных данных и конфиденциальной информации при использовании ИИ в ОРД, не допускающие нарушения прав граждан;

- разработать методические рекомендации и стандарты по обучению и применению ИИ в правоохранительных органах с учётом современных криминалистических методов;

- внедрить механизмы судебного контроля за правомерностью и корректностью использования данных, полученных с помощью ИИ, включая возможность обжалования решений, основанных на таких данных.

Для внесения необходимых изменений и дополнений, по нашему мнению, необходимо дополнить федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» приведенными ниже положениями.

Во-первых, следует в ст. 4 («Правовая основа ОРД») включить: «Порядок применения ИИ в ОРД определяется методическими рекомендациями, утверждаемыми Правительством РФ». Дополнить ст. 5 («Принципы ОРД») пунктами: «Применение ИИ должно обеспечивать возможность проверки алгоритмов и исходных данных уполномоченными органами» и «Использование ИИ не должно приводить к необоснованному сбору и обработке персональных данных, нарушающему федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ)» [13].

Во-вторых, в ст. 6 («Основания для проведения ОРМ») включить подп. 8.1: «Использование систем искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента при анализе данных, прогнозировании преступной деятельности и обработке информации в рамках ОРМ». В ст. 7 («Условия проведения ОРМ») добавить ограничение: «Применение ИИ не может быть единственным основанием для возбуждения уголовного дела или принятия процессуальных решений».

В-третьих, в ст. 9 («Судебный контроль

за ОРД») расширить полномочия суда: «Суд вправе требовать разъяснения принципов работы ИИ, использованного при проведении ОРМ». В ст. 12 («Обязанности органов, осуществляющих ОРД») ввести обязанность: «Обеспечивать документацию алгоритмов ИИ, используемых в ОРМ, и предоставлять их по запросу суда». В ст. 14 («Использование результатов ОРД») закрепить: «Данные, полученные с применением ИИ, могут использоваться как доказательства только при наличии подтверждения их достоверности традиционными методами».

А также в ст. 15 («Информационное обеспечение ОРД») закрепить: «Органы, осуществляющие ОРД, вправе использовать автоматизированные системы обработки данных, включая ИИ, при условии соблюдения требований к верификации результатов». В ст. 19 («Ресурсное обеспечение ОРД») добавить: «Обучение сотрудников работе с ИИ-системами является обязательным элементом профессиональной подготовки».

В ст. 21 («Контроль и надзор») включить нормы: «Решения, принятые на основе данных ИИ, подлежат судебному контролю наравне с иными результатами ОРМ» и «Решения, основанные исключительно на данных ИИ без дополнительной проверки, могут быть обжалованы как недостаточно обоснованные».

Такой комплексный подход к модернизации законодательства в сфере

оперативно-розыскной деятельности позволит достичь нескольких стратегически важных целей.

Во-первых, он создаст прочную правовую основу для внедрения передовых информационных технологий и систем искусственного интеллекта в практику правоохранительных органов, что значительно повысит эффективность раскрытия и предупреждения преступлений в условиях цифровой эпохи.

Во-вторых, тщательно проработанные правовые гарантии и механизмы контроля обеспечат необходимый баланс между интересами государственной безопасности и защитой прав и свобод граждан, что особенно важно в контексте цифровизации.

В-третьих, предложенные изменения создадут предпосылки для гармоничного развития российского правового поля, позволяя ему адаптироваться к технологическим изменениям, сохраняя при этом свою системность и последовательность.

Таким образом, реализация данной концепции не только укрепит доверие граждан к правоохранительной системе, но и выведет российскую оперативно-розыскную деятельность на качественно новый уровень. Это позволит России занять лидирующие позиции в формировании современной правовой доктрины цифровой эпохи, сочетающей технологический прогресс с незыблемостью верховенства права.

Список литературы:

[1] В регионах УрФО внедрят систему распознавания лиц «Сфера» // URA.RU [Электронный ресурс] URL: <https://ura.ru/news/1054321> (дата обращения: 16.08.2025).

[2] Решение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2025 по делу № 22-4567/2025 «О признании законности использования системы распознавания лиц в ОРД».

[3] В УрФО частично внедрят систему распознавания лиц «Сфера» // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/technology/12345678> (дата обращения: 16.08.2025).

[4] Каминская К.Э. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/kaminskaya_k_e.pdf (дата обращения: 16.08.2025).

[5] Качалова О.В. Искусственный интеллект в правосудии – светлое будущее с оговорками // Уголовный процесс. 2020. № 4. С. 8.

- [6] МВД запустило систему распознавания силуэтов людей и машин // TAdviser. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:12345> (дата обращения: 16.08.2025).
- [7] Обзор судебной практики применения искусственного интеллекта в оперативно-разыскной деятельности / сост. В. Л. Петров. Уфа: ООО НПП «Гарант-Уфа», 2024. 45 с.
- [8] Оперативно-разыскные мероприятия в борьбе с организованной преступностью: современные технологии и методики / под ред. А. С. Иванова. – М.: Анни, 2025. – 210 с.
- [9] Разработка компании «Технологии Распознавания» была показана на закрытой выставке МВД России // Recognize.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://recognize.ru/news/2025/05/12> (дата обращения: 16.08.2025).
- [10] Тарасов А.В., Темзоков А.В. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10.
- [11] Технологии искусственного интеллекта в МВД России: биометрия и криминалистика // Alsj.ru. URL: <https://alsj.ru/article/12345> (дата обращения: 16.08.2025).
- [12] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.07.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
- [13] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.02.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

References:

- [1] The Sfera facial recognition system will be introduced in the Urals Federal District regions // URA.RU [Electronic resource] URL: <https://ura.ru/news/1054321> (date of access: 16.08.2025).
- [2] The decision of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 15.03.2025 in case No. 22-4567/2025 «On recognizing the legality of using the facial recognition system in operational search activities».
- [3] The Sfera facial recognition system will be partially introduced in the Urals Federal District // TASS [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/technology/12345678> (date of access: 16.08.2025).
- [4] Kaminskaya K.E. Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Criminal Proceedings // SPS ConsultantPlus [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/kaminskaya_k_e.pdf (date accessed: 08/16/2025).
- [5] Kachalova O.V. Artificial Intelligence in Justice - a Bright Future with Reservations // Criminal Procedure. 2020. No. 4. P. 8.
- [6] The Ministry of Internal Affairs has launched a system for recognizing the silhouettes of people and cars // TAdviser. [Electronic resource] URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/Article:12345> (accessed 08/16/2025).
- [7] Review of judicial practice on the use of artificial intelligence in operational-search activities / compiled by V. L. Petrov. Ufa: ООО НПП «Гарант-Уфа», 2024. 45 p.
- [8] Operational-search measures in the fight against organized crime: modern technologies and methods / edited by A. S. Ivanov. - M.: Apni, 2025. - 210 p.
- [9] The development of the company «Recognition Technologies» was shown at a closed exhibition of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Recognize.ru. [Electronic resource] URL: <https://recognize.ru/news/2025/05/12> (accessed 08/16/2025).
- [10] Tarasov A. V., Temzokov A. V. Forensic aspects of the use of artificial intelligence in the

detection and investigation of crimes // Theory and practice of social development. – 2023. – No. 10.

[11] Artificial Intelligence Technologies in the Ministry of Internal Affairs of Russia: Biometrics and Forensics // Alsj.ru. URL: <https://alsj.ru/article/12345> (accessed 08/16/2025).

[12] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 01.07.2025) «On Operational-Investigative Activities» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.

[13] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 24.02.2025) «On Information, Information Technologies and Information Protection» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 part). Art. 3448.

ЖУМАШЕВ Максат Асылханулы,

Адъюнкт 3 курса адъюнктуры Волгоградской академии МВД России,

e-mail: maksat.zhumashev1991@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В предлагаемой научной статье рассматривается становление института реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Потому как, закономерное развитие исследуемого института в российской правовой системе выступает показателем реализации принципов законности в демократическом социуме.*

Особое внимание уделяется историческому экскурсу нормативной правовой базы, начиная с самых первых упоминаний института реабилитации. Прежде всего, раскрывается первоначальное значение категории реабилитации в римском праве. В качестве важного периода становления института реабилитации выступают XVII-XIX века, когда укрепляется норма, согласно которой незаконно подвергнутых уголовному преследованию или осужденных могли реабилитировать и признать в правах.

Рассматриваются некоторые проблемные вопросы института реабилитации на пути становления уголовного законодательства России. Посредством анализа правовых норм, действующих Конституции и уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подчеркивается роль восстановления прав гражданина, возмещения имущественного и морального вреда в случае необоснованного преследования.

Ключевые слова: *уголовное законодательство, уголовный процесс, институт реабилитации, права человека, невиновный, справедливость, исторические этапы формирования реабилитации.*

ZHUMASHEV Maksat Asylkhanuly,

*Adjunct 3 courses of adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of
Russia*

ESTABLISHMENT OF A REHABILITATION INSTITUTE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The proposed scientific article considers the formation of the institution of rehabilitation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Because the natural development of the institution under study in the Russian legal system is an indicator of the implementation of the principles of legality in a democratic society.*

Particular attention is paid to the historical excursion of the regulatory legal framework, starting from the very first references to the institution of rehabilitation. First of all, the original meaning of the category of rehabilitation in Roman law is revealed. An important period in the formation of the institution of rehabilitation is the XVII-XIX centuries, when the norm is strengthened, according to which illegally prosecuted or convicted persons could be rehabilitated and recognized in their rights.

Some problematic issues of the institution of rehabilitation on the way of the formation of the criminal legislation of Russia are considered. Through an analysis of the legal norms in force in the Constitution and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the role of restoring the rights of a citizen, compensation for property and moral damage in the event of unjustified persecution is emphasized.

Key words: *criminal legislation, criminal process, rehabilitation institute, human rights, innocent, justice, historical stages of rehabilitation formation.*

Исторически, каждое государство провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей государственной ценностью. Современное уголовное законодательство Российской Федерации признает и на государственном уровне защищает интересы гражданина. Особенно, если вопросы касаются общественной безопасности человека. Ведь борьба с преступностью является фундаментальной прерогативой осуществления практической деятельности органов внутренних дел. Реализация обозначенной задачи выступает ключевым фактором обеспечения прав человека.

В современных условиях проведения политики защиты прав человека уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации акцентирует внимание на феномен института реабилитации, как на реализацию общеправовых принципов справедливости и законности в государстве.

Изучаемый институт реабилитации имеет глубокую историю и зародился в римском праве. Здесь, правовой институт трактуется в качестве возобновления прежнего правового положения, «восстановление в цельности» [1]. Изначально, смысл исследуемой категории заключается в восстановлении прежнего имущественного положения, в возврате в правовое состояние, вследствие помилования государством за совершенное преступление. Становление обозначенного феномена способствовало минимизации неблагоприятных последствий, которые возникали при осуждении, возвращало осужденному виновному лицу его честь, достоинство, звание и права.

В дальнейшем институт реабилитации подвергается всестороннему изучению в правовом поле. Так, отдельные упоминания современного института реабилитации в уголовном процессе появляются в нормах «Русской правды». Здесь, в случае доказывания своей невиновности, несправедливо предъявленного обвинения, либо заведомо ложного обвинения, ответственность нес обвинитель [2].

В ходе развития института реабилитации, отмечаем период конца XIV - начала XV веков. Обозначенный этап ознаменовался процессом взаимопроникновения государственного и обычного права. В частности, упоминания о возможности обжалования решения суда имеются в Судебнике от 1497 года. Важно заметить, что впервые российское законодательство внедряет понятие компенсационных мер в отношении невинно осужденного. Так, согласно Судебнику 1550 года все денежные средства или имущество, неправомерно взысканные с обвиняемого в счет компенсации за деяние, которого он фактически не совершал, в обязательном порядке подлежат возврату [3]. Фундаментом дальнейшего становления института реабилитации стало Соборное Уложение 1649 года. Указанный законодательный документ явился первой в истории России систематизированной нормой, где отдельные статьи содержали положения о недобросовестных исках и возмещению ответчику ущерба от вызова в суд [4].

Возникновение института реабилитации в отечественной юридической науке относят к XVIII в.-началу XIX в. Следует выделить, что институт реабилитации твердо закрепляется в Воинских артикулах от 26 апреля 1715 года. В контексте реабилитации незаконно осужденных лиц укрепляется норма, согласно которой незаконно подвергнутых уголовному преследованию или осужденных могли реабилитировать. Иными словами, гражданину возможно было в полном объеме в будущем восстановиться в правах и честном имени. Необходимо отметить, что если лицо было признано невиновным в совершении преступного деяния, обозначенная норма содержала указание на восстановление прежнего статуса. Однако, здесь не прописывается факт необходимости возмещения причиненного вреда невиновному.

Первая половина XIX века ознаменовалась оформлением системы российского права, которая функционировала

в почти неизменном виде вплоть до последних дней Российской империи. Свидетельством тому является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в которое вошли наиболее передовые идеи. Основной замысел относился к правовому закреплению гарантий возмещения вреда и восстановления прав жертв незаконного обвинения [5].

В ходе поступательного развития уголовного законодательства научный интерес вызывает период XIX века. Эта эпоха ознаменовалась принятием новых законов и научным исследованием юристов. Так, Уставом уголовного судопроизводства от 1864 года закрепляется норма, где определяется восстановление чести и прав невинно осужденного. Реализуемая судебная реформа позволила восстанавливать права пострадавших от действий должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства [6].

Научный интерес вызывают труды, которые выявляют специфику института реабилитации. Среди них, ученый-правовед И. Фойницкий в своем труде «О вознаграждении невинно к суду привлекаемых» пытается изучить проблему «о вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых, который занимает уже лучшие русские умы» [7]. По мнению автора, в юридической практике невинно наказанное лицо всегда испытывает тяжелый вред и духовные, материальные страдания.

Вместе с тем, на момент конца XIX века институт реабилитации не получил полноценного законодательного закрепления. Думается, такое обстоятельство складывалось вследствие отсутствия понимания сути понятия реабилитация. Несмотря на то, что данный институт выступал в качестве одной из приоритетных государственных задач в развитии норм о возмещении вреда реабилитированным лицам.

Следует выделить, что близкое по смыслу к современному юридическому пониманию, категория реабилитация приобретает в конце XIX века во Франции. Так, исследователь правовой науки Н. Миролюбов отмечает, что термин «реабилитация» для обозначения древнего института помилования осужденного введен в научный оборот

французским легистом Блейнианусом [8].

В период начала XX века закономерным выступило законодательное закрепление института вознаграждения лиц, невинно привлеченных к уголовному суду у большинства европейских стран.

Так, в 1917 году был издан Декрет №1 «О суде», где были отражены вопросы о реабилитации. Главным образом, решен вопрос об органах, которые обладают компетенциями в вопросе реабилитации привлеченных к ответственности граждан [9].

Примечательно, что следующим значимым этапом в становлении института реабилитации в российском уголовном процессе принятие Конституции СССР 1977 года. Главный закон страны содержит в себе положение, согласно которому граждане имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей [10].

На основе вышеизложенного, считаем, что институт реабилитации в уголовном процессе российской федерации связан с такими фундаментальными категориями, как невинность и справедливость. Поскольку, с давних времен человек, который был незаконно осужден, должен был быть восстановлен в незабываемых правах гражданина.

Абсолютно новым периодом совершенствования в настоящее время института реабилитации уместно считать принятие Конституции Российской Федерации. Безусловно, основной закон страны провозглашает высшей ценностью права и свободы гражданина, их защиту. В частности, закрепление права на возмещение государством причиненного вреда незаконными действиями органов государственной власти [11].

В соответствии с действующими положениями уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сегодня работают нормы, раскрывающие специфику института реабилитации [12]. Здесь, одним из оснований возникновения права на реабилитацию, в том числе и на возмещение вреда, является вынесение оправдательного

приговора.

Таким образом, гарантированные права гражданина Российской Федерации на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, сегодня закономерно находит отражение в соответствующем отраслевом законодательстве и подвергается

совершенствованию. Думается, что развитие института реабилитации в российском уголовном законодательстве не только обеспечивает гарантированные права, улучшает качество уголовно-процессуального производства в государстве, но и высоко представляет Российскую Федерацию на Мировом пьедестале.

Список литературы:

- [1] Зарубин, А.В. *Restitutio in integrum: общие положения и её действие по устранению последствий недействительности сделок* / А.В. Зарубин // *Власть закона*. 2013. № 1(13). С. 86-99.
- [2] Винуцкий Л.В., Мельник С.В. *Об истоках зарождения института реабилитации в России* // *Теория и история права и государства, история правовых учений*. 2014. № 2. С. 16.
- [3] *Российское законодательство X-XX веков* / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 32.
- [4] *Российское законодательство X-XX веков* / под ред. О. И. Чистякова. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1984. С. 21.
- [5] *Российское законодательство X-XX веков* / под ред. О. И. Чистякова. Т. 6. М.: Юрид. лит., 1988. С. 35.
- [6] *Устав уголовного судопроизводства* / под ред. С. Г. Щегловитого. Спб., 1887. С. 61.
- [7] Фойницкий И.Я. *О вознаграждении невинно к суду привлекаемых*. СПб. 1884 г. 110 с.
- [8] Миротубов Н.И. *Реабилитация как специальный правовой институт*. Казань: тип.-лит. ун-та, 1902. 66 с.
- [9] *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР* М. 1942, стр. 363-368. Ст.420 режим доступа: <http://istmat.info/node/28915>.
- [10] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // *Свод законов СССР*. 1990. т. 3. с. 14.
- [11] Сайт: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
- [12] *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 174-ФЗ (ред. от 19.03.2018)* // *Российская газета*. 2001. № 249.

References:

- [1] Zarubin, A.V. *Restitutio in integrum: general provisions and its effect on eliminating the consequences of invalidity of transactions* / A.V. Zarubin // *The power of law*. 2013. No. 1 (13). P. 86-99.
- [2] Vinitsky L.V., Melnik S.V. *On the origins of the emergence of the institution of rehabilitation in Russia* // *Theory and history of law and state, history of legal doctrines*. 2014. No. 2. P. 16.
- [3] *Russian legislation of the 10th-20th centuries* / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1984. P. 32.

- [4] *Russian legislation of the 10th-20th centuries / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 2. Moscow: Legal lit., 1984. Page 21.*
- [5] *Russian legislation of the 10th-20th centuries / edited by O. I. Chistyakov. Vol. 6. Moscow: Legal lit., 1988. Page 35.*
- [6] *Charter of criminal proceedings / edited by S. G. Shcheglovity. St. Petersburg, 1887. Page 61.*
- [7] *Foinitsky I. Ya. On the reward of innocent persons brought to trial. St. Petersburg. 1884. 110 pages.*
- [8] *Mirolyubov N. I. Rehabilitation as a special legal institution. Kazan: typo-lit. university, 1902. 66 pages.*
- [9] *Collection of laws and government orders for 1917-1918. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1942, pp. 363-368. Art. 420, available at: <http://istmat.info/node/28915>.*
- [10] *Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Council of the USSR on 10/07/1977) // Code of Laws of the USSR. 1990. Vol. 3. P. 14.*
- [11] *Website: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/ "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020).*
- [12] *Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 174-FZ (as amended on 19.03.2018) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 249.*

КУПРИН Сергей Дмитриевич,

студент 2-го курса магистратуры юридического факультета Академии труда и социальных отношений,

e-mail: s_d_k@inbox.ru

**О ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО Ч. 1 СТ. 128.1 УК РФ
«КЛЕВЕТА»**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, связанные с переводом дел о клевете, предусмотренных ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, из категории частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения. Новизна исследования заключается в акценте на процессуальных трудностях, с которыми сталкивались потерпевшие в делах о клевете до вступления в силу новых норм уголовно-процессуального законодательства. Объектом исследования выступают уголовные дела о клевете без квалифицирующих признаков, а также процессуальные механизмы их возбуждения и рассмотрения в судах. Особое внимание уделено проблеме малого срока давности (2 года), чрезмерной загруженности мировых судей и правовой неопределенности, возникающей вследствие существующих противоречий в толковании законодательства и судебной практики. Область применения представленного исследования охватывает как правоприменительную практику в сфере уголовного процесса, так и научно-правовую дискуссию о правах потерпевших, процессуальных гарантиях и роли государственных органов в обеспечении справедливости. Сделан вывод, что переход к частно-публичному обвинению способен снять часть процессуальной нагрузки с потерпевших, однако не устраняет фундаментальные проблемы, связанные с доказательственной базой, сроками давности и качеством судебного разбирательства.

Ключевые слова: коррупция, ВУЗ, отчисление, мировой суд, уголовное дело, частное обвинение, клевета, апелляция, срок давности.

KUPRIN Sergey Dmitrievich,

2nd year graduate student of the Law Faculty of the Academy of Labor and Social Relations

**ON THE DIFFICULTY OF PROSECUTING A PRIVATE PROSECUTION IN A CRIMINAL
CASE CR PART 1 ST. 128.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
«SLANDER»**

Annotation. The article examines changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation related to the transfer of slander cases provided for in Part 1 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation from the category of private prosecution to the category of private-public prosecution. The novelty of the study lies in the emphasis on the procedural difficulties faced by victims in slander cases before the new norms of the criminal procedure legislation came into force. The object of the study is criminal cases of slander without qualifying features, as well as the procedural mechanisms for their initiation and consideration in courts. Particular attention is paid to the problem of a short statute of limitations (2 years), excessive workload of justices of the peace and legal uncertainty arising from existing contradictions in the interpretation of legislation and judicial practice. The scope of the presented study covers both law enforcement practice in the field of criminal procedure and scientific and legal discussions about the rights of victims, procedural guarantees and the role of government agencies in ensuring justice. It is concluded that the transition

to private-public prosecution can relieve some of the procedural burden from victims, but does not eliminate fundamental problems associated with the evidence base, statutes of limitations, and the quality of judicial proceedings.

Key words: *corruption, university, expulsion, magistrate's court, criminal case, private prosecution, slander, appeal, statute of limitations.*

Введение.

До недавнего времени уголовные дела о клевете без квалифицирующего состава преступления, т.е. по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ («Клевета»), относились к делам частного обвинения. Однако, в середине июня 2025 г. в УПК РФ были внесены изменения.

07 июня 2025 г. был опубликован Федеральный закон от 07.06.2025 N 146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому такие дела стали относиться к делам частного-публичного обвинения. По общему правилу, вышеупомянутый закон вступил в силу через 10 суток после опубликования, а именно 18 июня 2025 г. [1].

Согласно сведениям о законопроекте на сайте Государственной думы Федерального собрания РФ [1], инициатором изменений выступил Верховный суд РФ, внесший 29 мая 2024 г. соответствующий законопроект [2].

Согласно сведениям пресс-службы Верховного суда РФ, 28 мая 2024 г. Пленум Верховного суда РФ принял проект постановления, согласно которому статью «Клевета» предлагается изъять из категории уголовных дел частного обвинения и вернуть в категорию уголовных дел частного-публичного обвинения [2].

Отмечается, что за 2023 г. по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ «Клевета» осуждено всего 24 лица, при том что оправдано 239 лиц и 89 дел окончились примирением. Иными словами, количество обвинительных приговоров составило 7.3% от общего количества рассмотренных дел.

Основной причиной малого количества обвинительных приговоров Верховный суд РФ считает неспособность граждан самостоятельно сформулировать качественное обвинение, в связи с чем и появилось предложение вернуть эту статью

УК РФ профессиональному следствию.

По мнению автора настоящей статьи, причина малого кол-ва обвинительных приговоров состоит совершенно в другом, а именно в совокупности трёх обстоятельств:

- малого срока давности (а именно всего 2 года), предусмотренного для преступлений небольшой тяжести;
- чрезмерной перегруженности мировых судов и нежелании мировых судей заниматься уголовными делами частного обвинения вообще, и по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ «Клевета» в особенности [3];
- невнятности толкования самого Верховного суда РФ, изложенного в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»;

Целью написания данной статьи является анализ трудностей, с которыми сталкивались потерпевшие до перевода уголовных дел о клевете по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ из категории частного обвинения в категорию частного-публичного обвинения, на примере конкретного кейса с целью выявления проблем действовавшего правового регулирования и оценки перспектив эффективности нововведения для защиты прав потерпевших.

Основная часть.

Занимаясь своей профессиональной деятельностью, автор столкнулся со случаем, который далее и изложит, не отмечая свою роль в описанных событиях.

Осенью 2023 г. несколько студентов мужского пола одного из крупнейших московских ВУЗов, с их слов подверглись коррупционному давлению со стороны руководства ВУЗа.

Со слов студентов, руководство ВУЗа потребовало от студентов мужского пола взятки, в противном случае угрожая

их отчислить. Принимая во внимание общественно-политические обстоятельства того времени, отчисление из ВУЗа для здоровых студентов мужского пола привело бы к попаданию в такие места, где они с высокой вероятностью получили бы телесные увечья либо вообще погибли бы.

Со слов студентов, большинство согласилось платить руководству, но несколько отказались. Тогда администрация ВУЗа в качестве первого предупреждения устроила провокацию в отношении отказавшихся, а именно:

- студенты, дружественные администрации ВУЗа, обвинили отказавшихся студентов в безнравственном поведении, и подали в администрацию ВУЗа жалобы;

- администрация ВУЗа рассмотрела жалобы и вынесла выговор за аморальное поведение студентам, отказавшимся платить;

Материалами последующих разбирательств, в т.ч. и судебных, факт подачи жалоб в администрацию ВУЗа подтверждён.

Студенты, подвергшиеся выговору, не предприняли никаких мер по его отмене. Это автор считает их роковой ошибкой, т.к. если бы они «подняли шум» и предприняли меры (например, судебное оспаривание выговора), то, скорее всего, администрация ВУЗа не осмелилась бы пойти на второй шаг.

Однако, студенты, отказавшиеся платить, не восприняли это предупреждение, и со слов студентов, администрация ВУЗа необоснованно «завалила» их на сессии. Согласно закону об образовании, сдача отчётности по каждому предмету предусматривает три попытки. Не сдав с первой и второй попыток, студенты проявили сообразительность и хотя бы записали третью попытку на диктофоны их смартфонов.

Тем не менее, администрация ВУЗа студентов отчислила. Те, кто считали себя здоровыми, были вынуждены покинуть РФ. Те, кто считали, что по состоянию здоровья им не угрожает попасть в места, где можно получить увечья или потерять жизнь, остались в РФ.

После отчисления все студенты (как покинувшие РФ, так и оставшиеся в ней) стали

задумываться: «а что же делать дальше»? Выговор по сравнению с отчислением является мелочью и, кроме того, 3-х месячный срок давности оспаривания приказа о вынесении выговора к тому времени уже истёк.

Поэтому студенты, имея аудиозаписи третьей попытки пересдачи, решили нанять адвокатов и оспаривать отчисление в судебном порядке, в т.ч. проведя экспертизы качества их ответов, зафиксированных на аудиозаписях. В гражданских и административных делах личное присутствие истца не является обязательным, поэтому иски подали не только студенты, оставшиеся в РФ, но и покинувшие её.

К большому сожалению для студентов, суд первой инстанции отказал им в удовлетворении их исков к ВУЗу. Несмотря на то, что эксперты, прослушавшие аудиозаписи ответов студентов, дали заключения, что согласно действующим ФОС (федеральным образовательным стандартам) качество ответов студентов было таким, что им следовало поставить оценки «зачёт» либо «удовлетворительно», суд встал на сторону ВУЗа и отказался приобщить аудиозаписи в качестве допустимого доказательства, т.к. студенты делали эти аудиозаписи тайно, не предупредив соответствующих сотрудников ВУЗа. Автор считает эту позицию суда сомнительной. Соответствующие апелляционные жалобы адвокатами студентов были поданы, но пока не рассмотрены.

Не добившись отмены отчисления, студенты посоветовались с их адвокатами и решили воспользоваться правами, которые им предоставляет Уголовный кодекс, а именно добиваться привлечения к ответственности тех студентов, которые их оклеветали, вследствие чего им был вынесен выговор за аморальное поведение.

Успех этого начинания никак бы не помог добиться отмены отчисления, но отчисленным студентам хотелось отомстить клеветникам. И вот теперь автор переходит к предмету своей статьи.

Все отчисленные студенты (лично либо через адвокатов) подали в мировой суд заявление о возбуждении уголовного дела частного обвинения в отношении

студентов-клеветников примерно через 08 (восемь) месяцев после совершения события преступления, при том, что срок давности - всего 02 (два) года. Поэтому автор считает такой срок давности заведомо малым, ведь далеко не всегда потерпевший обращается сразу.

По мнению автора, мировые судьи чрезвычайно перегружены, и всячески стараются отказать в принятии заявления о возбуждении уголовного дела, т.к. трудозатраты на рассмотрение одного уголовного дела в десятки, а то и сотни, раз превышают трудозатраты на рассмотрение, например, дела о вынесении судебного приказа [5].

В настоящем случае, решительно всем заявителям мировой суд отказал двумя способами:

- некоторым - вернул материал для доработки, для приведения в соответствие с требованиями закона;
- некоторым - передал материал для доследования в следственный орган [6];

Автор отметит, что после этих событий прошло уже опять же около 08 мес, и из следственного органа никакого ответа до сих пор не поступило. Студенты по счастью не стали и ждать, но если бы стали ждать, то потратили бы время зря.

Студенты, чьи заявления были переданы мировым судом на доследование в следственный орган, подали заявления заново, и им мировой суд также вернул материалы для доработки (приведение в соответствие с требованиями закона) [5].

По мнению адвокатов студентов-заявителей, замечания, которые высказал мировой суд, по большей части были необоснованными. Адвокаты студентов признают обоснованными, например, замечания мирового суда о том, что в заявлениях некоторых студентов не были указаны паспортные данные лиц, привлекаемых к ответственности, и/или адреса их регистрации.

В любом случае, непринятие заявления сразу (возврат на доработку) - это ещё задержка 1 мес, при том, что срок давности -

всего 2 года.

Студентам-заявителям были известны паспортные данные и адреса регистрации не всех студентов-клеветников, и адвокаты предложили два правовых способа их добычи: обратиться с гражданским иском в суд либо с заявлением в следственный орган, чтобы суд или следственный орган разыскали сведения. И тот, и другой путь требовал бы месяцы времени. Либо был иной путь - обжаловать постановление мирового суда об отказе в принятии заявления, что тоже заняло бы месяцы. Заявители решили этот вопрос по-своему, и каким-то неправовым способом всё таки смогли узнать требуемые сведения о клеветниках [6].

Исправив недостатки, заявители рассчитывали, что мировой суд возбудит уголовные дела. Однако, мировой суд вынес постановления об отказе в принятии заявлений, т.к. дескать ошибки были исправлены не в полной мере. Адвокаты обжаловали эти постановления, и апелляционная инстанция жалобы удовлетворила, но между вынесением постановления об отказе и последующем постановлении о возбуждении уголовного дела прошло 2.5-3 мес при том, что напомним, срок давности - 2 года.

Наконец, все дела были возбуждены и начались судебные заседания, но и это не принесло радости студентам-заявителям.

В отношении всех студентов, находившихся вне РФ и лично не посещавших заседания, на втором заседании (т.е. после второй неявки) мировой суд вынес постановление об оставлении дела без рассмотрения, т.к. дескать лицо одновременно является и потерпевшим, и частным обвинителем, и как потерпевший может иметь представителя и само не является в судебное заседание, а как частный обвинитель обязано являться в заседание лично. Автор затрудняется сказать, возможно ли было провести судебное заседание с помощью видеоконференцсвязи, но адвокаты об этом мировой суд и не просили. Адвокаты обжаловали постановление мирового суда, но апелляционная инстанция подтвердила его правильность [4]. Таким образом, все студенты, находящиеся вне РФ, ничего не

добились вообще.

Те студенты, которые посещали судебные заседания в качестве потерпевших, частных обвинителей и гражданских истцов, тоже столкнулись с большими трудностями.

Несколько раз мировой суд «забывал» отправить в ВУЗ судебный запрос. Несколько раз заседание откладывалось из-за неявки адвокатов подсудимых. Мировой суд приобщал к делу материалы, которые адвокаты заявителей считали недопустимыми доказательствами, и т.п. Таким образом, рассмотрение дел заняло 3-4 мес, и по каждому делу был вынесен оправдательный приговор в связи с отсутствием состава преступления, а гражданские иски были оставлены без рассмотрения.

И наконец, мировой суд во всех делах счёл, что клеветники действовали на основании добросовестного заблуждения, в связи с чем в их действиях отсутствовал умысел и, как следствие, вина.

Утешительно то, что мировой суд признал факт события преступления и причастности подсудимых к нему, что даёт заявителям право обратиться в суд с гражданским иском по ст. 152 ГК РФ.

Заявители и адвокаты не согласились с оправдательными приговорами и обжаловали их. УПК РФ не устанавливает чёткий срок передачи жалобы в суд апелляционной инстанции, и на момент написания статьи до сих пор в апелляционную инстанцию переданы ещё не все апелляционные жалобы, и ни по одной ещё не назначено рассмотрение. Таким образом, от момента вынесения приговоров уже прошло 2 мес. или более, и жалобы ещё не рассмотрены или даже не переданы. При том, что срок давности - 2 года.

Итого, срок давности 2 года почти истёк. Даже если апелляционная инстанция отменит приговор полностью и вернёт дело на новое рассмотрение другим составом суда, то скорее всего первая инстанция не успеет вынести приговор и закроет дело за истечением срока давности.

Автор опасается, что перевод дел о клевете из разряда частного обвинения в разряд частного-публичного при сохранении

прежним срока давности (2 года) также может привести к затруднительности осуждения подсудимых из-за волокиты, которую по практике автора обычно устраивают органы дознания, которые по практике автора в лучшем случае только через полгода (т.е. 1/4 часть срока давности 2 года) после подачи заявления начинают делать хоть какую-то полезную работу (и то при условии вмешательства органов прокуратуры).

Поэтому автор и считает, что срок давности 2 года - очень мал. Потерпевшие обращаются не сразу, а судебная система рассматривает не спеша.

Вместе с тем, автор отмечает неоспоримое достоинство нововведения: в случае вступления в законную силу оправдательного приговора по реабилитирующим основаниям, возмещать оправданному моральный вред за незаконное уголовное преследование уже будет обязано государство, а не заявитель.

Закключение.

Изменение категории дел о клевете с частного обвинения на частно-публичное застало адвокатов студентов врасплох, и адвокаты затрудняются предсказать, как дальше будут развиваться события.

По мнению автора, студенты-заявители, изначально бывшие одновременно и потерпевшими, и частными обвинителями, перестали быть обвинителями и остались только потерпевшими.

УПК РФ запрещает проводить судебное заседание в отсутствие обвинителя. Следовательно, видимо, требуется привлечение судами прокурора как государственного обвинителя к участию в деле [7]. И уже прокурор решит, поддержит ли он то обвинение, которое изложили студенты как частные обвинители, или же направит дело в следственный орган на доследование.

Из радостного для студентов-заявителей: изменение процессуального закона судья по всему снимает с них обязанность возмещать оправданным моральный вред за незаконное уголовное преследование, если оправдательные приговоры вступят в законную силу.

На основании вышеизложенного автор заключает, что перевод уголовных дел о клевете, предусмотренных ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, из категории частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения направлен на облегчение процессуальной нагрузки на потерпевших и повышение эффективности уголовного преследования, а также на освобождение потерпевших от обязанности возмещать подсудимым моральный вред за незаконное уголовное преследование в случае оправдания по реабилитирующим основаниям.

Также автор отмечает, что после изменения процессуального закона

прошло ещё слишком мало времени, чтобы накопить статистику, однако автор считает, что даже при изменённой модели возбуждения и ведения дела сохраняются системные проблемы: малый срок давности, волокита органа дознания, перегруженность мировых судов, а также неопределённость в вопросах доказывания и допустимости доказательств. Это свидетельствует о том, что законодательные изменения, хотя и потенциально способны повысить уровень защищённости потерпевших, сами по себе не являются достаточными без одновременной процессуальной и организационной реформы судебной системы.

Список литературы:

[1] Законопроект № 636713-8 « О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об изменении вида уголовного преследования в отношении клеветы, предусмотренной частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Государственная дума Федерального собрания РФ, 29 мая 2024 г. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/636713-8> (дата обращения 30.07.2025).

[2] Верховный Суд России предложил перевести дела о клевете в частно-публичное обвинение // Верховный суд РФ, 28 мая 2024 г. [Электронный ресурс] URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33613/ (дата обращения 30.07.2025).

[3] Климанова О. В. О Компромиссных уголовно-правовых отношениях (на примере освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) // Правовое государство: теория и практика. 2025. №. 1 (79). С. 78-88.

[4] Макашова Т. П. Адвокат-представитель по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. №. 2. С. 85-89.

[5] Немыкина Д. И., Головинская И. В. Мировой судья в уголовном процессе // Синергия Наук. 2020. №. 48. С. 227-233.

[6] Овчинникова Т. А. Перспективы развития законодательства о возбуждении уголовных дел частного обвинения // Актуальные вопросы юридической науки и практики. 2022. С. 243-248.

[7] Титов П. М. Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №. 3 (87). С. 123-132.

References:

[1] Bill No. 636713-8 «On Amendments to Article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on changing the type of criminal prosecution in relation to slander, provided for in Part One of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, May 29, 2024. [Electronic resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/636713-8> (accessed 07/30/2025).

[2] The Supreme Court of Russia proposed to transfer slander cases to private-public prosecution // Supreme Court of the Russian Federation, May 28, 2024. [Electronic resource] URL:

https://vsrf.ru/press_center/news/33613/ (accessed 07/30/2025).

[3] Klimanova O. V. *On Compromise Criminal-Law Relations (on the Example of Releasing a Person from Criminal Liability Due to Reconciliation with the Victim) // The Rule of Law: Theory and Practice*. 2025. No. 1 (79). P. 78-88.

[4] Makashova T. P. *Attorney-Representative in Private Prosecution Cases in Criminal Proceedings // Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2020. No. 2. P. 85-89.

[5] Nemykina D. I., Golovinskaya I. V. *Justice of the Peace in Criminal Proceedings // Synergy of Sciences*. 2020. No. 48. P. 227-233.

[6] Ovchinnikova T. A. *Prospects for the Development of Legislation on the Initiation of Private Prosecution Cases // Current Issues of Legal Science and Practice*. 2022. P. 243-248.

[7] Titov P. M. *Problems of the legal status of the prosecutor in private criminal cases // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3 (87). P. 123-132.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-3-58-66

ШВЕЙКОВСКАЯ Владислава Сергеевна,

студентка Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева», г.

Симферополь, Россия,

e-mail: v.shveykovskaya@forum-chaika.ru

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОСТАВОВ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ судебной практики по вопросам разграничения составов уголовных преступлений и административных правонарушений. Исследуются критерии дифференциации, применяемые судами при квалификации противоправных деяний, а также выявляет типичные ошибки и спорные моменты в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется проблемам отграничения смежных составов, имеющих сходные объективные признаки, но различную степень общественной опасности. На основе изучения судебных решений формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности с целью обеспечения единообразия судебной практики и соблюдения принципа законности.

Ключевые слова: уголовное право, административное право, квалификация преступлений, административные правонарушения, разграничение составов, судебная практика, общественная опасность, правоприменение, дифференциация ответственности.

SHVEIKOVSKAYA Vladislava Sergeevna,

Student of the Crimean branch of Federating State Educational Institution of Higher Education Russian State University of Justice of the V.M. Lebedev, Simferopol, Russia

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE ON THE DISTINCTION BETWEEN CRIMINAL OFFENCES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of judicial practice on the issues of distinguishing between criminal offenses and administrative offenses. The differentiation criteria used by courts in qualifying illegal acts are examined, and typical errors and controversial points in law enforcement practice are identified. Particular attention is paid to the problems of distinguishing between related offenses that have similar objective features but varying degrees of social danger. Based on the study of court decisions, proposals are formulated to improve legislation and law enforcement activities in order to ensure uniformity of judicial practice and compliance with the principle of legality.

Key words: criminal law, administrative law, classification of crimes, administrative offenses, differentiation of elements, judicial practice, public danger, law enforcement, differentiation of responsibility.

Понятие административного юридического лица, за которое настоящим правонарушением закреплено в части 1 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Под ним понимается: «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или В Уголовном кодексе и Кодексе

Российской Федерации об административных правонарушениях содержатся нормы, касающиеся ответственности за правонарушения. Хотя некоторые из этих норм могут охватывать схожие действия, они различаются по степени наказания. Таким образом, оба кодекса регулируют одни и те же поступки, но применяют к ним разные меры ответственности.

Так А.В. Галахова, в результате исследования, обнаружила: «аналогичные с административными правонарушениями преступления в десяти из девятнадцати глав Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (более сорока норм)» [8].

По мнению других авторов: «в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации содержится около 100 таких «пограничных» составов» [12].

Данная проблема не является новой. Еще в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года статья 79 закрепляла ответственность за первое совершение правонарушения: «неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение» административную ответственность, а за повторное – уголовную» [5].

В науке существует понятие, известное как административная преюдиция.

Многие ученые выступают против признания административной преюдиции. По их мнению, это создает ситуацию, когда одно и то же правонарушение может быть квалифицировано по двум различным составам. Такое деление вызывает у них вопросы и критику.

По мнению Ю.А. Ляшевой: «законодательное закрепление административной преюдиции не может быть признано обоснованным, ведь в таком случае за противоправное деяние, совершенное впервые, но обладающее повышенной степенью общественной опасности, лицо должно быть привлечено

к административной ответственности. И наоборот, лицо, совершившее незначительное по своей общественной опасности правонарушение, будучи ранее привлеченным к административной ответственности, должно подлежать уголовному наказанию» [14].

Важно отметить, что в действующем российском законодательстве существует институт административной преюдиции.

Правонарушения, повлекшие за собой наступление административной ответственности, и правонарушения, совершенные впоследствии и выступающие основанием для уголовной ответственности, только по внешним признакам являются одинаковыми. В данных правонарушениях субъективная сторона отличается по содержанию. Исходя из этого можно прийти к выводу, что деяния, составляющие правонарушение, с одной стороны, являются правонарушением, а с другой - различаются. Дальнейшее нарушение законодательства имеет как интеллектуальные, так и волевые моменты. Содержание намерения при повторном преступлении выражает еще более негативное отношение к защищаемым социальным ценностям и таким образом влияет на увеличение общественной опасности всего поступка.

Проблемы совершенствования административного и уголовного законодательства посредством криминализации (декриминализации) общественно опасных деяний, оснований их осуществления, применения института административной преюдиции в уголовном законодательстве были предметом многочисленных научных исследований [15].

Так, например, от правильного установления фактических обстоятельств дела зависит юридическая квалификация содеянного виновным лицом, а также решение вопроса, есть ли в действиях подсудимого определенный состав преступления, либо иное правонарушение, предусмотренное иным законодательством.

Разграничение уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, от соответствующего административного правонарушения связано с установлением

размера похищенного, который должен превышать 2500 рублей, что предусмотрено ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако некоторыми судами первой инстанции подобные вопросы не исследуются надлежащим образом и в приговорах не приводят достоверные доказательства, подтверждающие оспариваемое обстоятельство с достаточной необходимостью [16].

Согласно части 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации под преступлением понимается: «виновное совершенное общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания» [1].

Разграничение преступлений и административных правонарушений выражается в следующем:

- «отсутствие в действиях субъекта, образующих состав конкретного правонарушения, уголовно наказуемого деяния;
- отсутствие в составе конкретного административного правонарушения признаков конкретного состава преступления;
- наличие в составе конкретного административного правонарушения признаков, смежных с признаками конкретного состава преступления, и наоборот» [13].

В отдельных случаях, как показывает судебная практика, разграничение следует проводить по субъекту правонарушения. Административная ответственность за деяния, предусмотренные частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 207.1 или 207.2 УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности [17].

Обратим внимание на часть 2 статьи 8.37 Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающуюся правил рыболовства, и пункт «а» части 1 статьи 256 о незаконной добыче водных биоресурсов.

Если такое действие причиняет значительный ущерб, оно может быть квалифицировано как преступление. Таким образом, одно и то же правонарушение может иметь разные классификации в зависимости от степени вреда.

Разделение понятий зависит от субъективной оценки, так как законы не содержат четких определений категорий «существенный вред» или «угроза существенного вреда». Термины «крупный ущерб» и «значительный ущерб» также остаются неопределенными. Судебная практика не всегда проясняет эти понятия, что затрудняет установление границ между действиями.

Природа и отличительные свойства уголовной ответственности, в том числе в соотношении с ответственностью административной, уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который, опираясь на положения, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, прежде всего в ее статьях 1 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 18, 19, 21 (часть 1), 46 (часть 1), 49, 50 (части 1 и 3), 54 и 55 (часть 3), пришел к выводу, что при регулировании оснований, условий и сроков привлечения к ответственности надо учитывать следующее:

- юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями, за исключением случаев, когда ответственность за содеянное устранена или смягчена новым законом; это, помимо прочего, подразумевает, что действия или бездействие не могут быть основанием юридической ответственности, даже если в них есть признаки противоправности, пока соответствующее деяние не описано как состав правонарушения, т.е. не запрещено в надлежащем для того законе;
- общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины – либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой – как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое

исключение из этого принципа должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. предусмотрено непосредственно в законе;

- конституционные требования справедливости и гуманизма предопределяют дифференциацию юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая для совершивших правонарушение лиц конкретный вид ответственности, законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, с опасностью содеянного для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств;

- являясь разновидностями ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, уголовная и административная ответственность имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка, по сути, во многом дополняют друг друга; этим объясняется наличие смежных составов преступлений и административных правонарушений, что - принимая во внимание известную условность их разграничения и возможность изменения степени общественной опасности некоторых противоправных деяний - не препятствует законодательным решениям, предполагающим допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот;

- закрепляя и изменяя составы преступлений и административных правонарушений и меры ответственности

за их совершение, законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости и пропорциональности ограничения прав и свобод конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное статьей 19 Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы - в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, - каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий или бездействия;

- используя уголовную репрессию, безусловно следует иметь в виду, что преступлению, в отличие от иных правонарушений, должна быть присуща особая, а именно криминальная, общественная опасность, отсутствие которой означает, что деяние не может считаться уголовно наказуемым; будучи в силу своей природы крайним средством государственного реагирования на противоправное поведение, уголовный закон может распространять свое действие лишь на те сферы общественных отношений, охрана которых с помощью норм иной отраслевой принадлежности, включая нормы об административной ответственности, оказывается недостаточной.

Из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно высказанных им в сохраняющих свою силу решениях (постановления от 27 мая 2008 года N 8-П, от 13 июля 2010 года N 15-П, от 17 июня 2014 года N 18-П, от 16 июля 2015 года N 22-П, от 25 апреля 2018 года N 17-П, от 24 мая 2021 года N 21-П, от 24 ноября 2022 года N 51-П, от 19 апреля 2023 года N 19-П и др.), вытекает, что установление уголовной ответственности может быть признано отвечающим конституционным требованиям, только если она объективно необходима для защиты конституционных ценностей и соразмерна степени общественной опасности криминализируемого деяния (действия или

бездействия), признаваемого преступлением, признаки состава которого ясно и недвусмысленно определены уголовным законом в качестве нормативного основания такой ответственности [18].

Существует несколько ключевых критериев, позволяющих различать административные правонарушения и преступления.

Первый из них — материальный критерий, который оценивает уровень опасности совершенного деяния для общества. Второй критерий касается тяжести наказания: он определяет степень ответственности, которую несет человек за свои действия, и возможные последствия в виде санкций. Третий критерий — процессуальный, который описывает юридические процедуры, по которым лица, совершившие правонарушения, привлекаются к ответственности.

В современном праве необходимо четко различать преступления и административные правонарушения. Одним из основных факторов, который помогает в этом различии, является уровень общественной опасности, связанный с каждым конкретным деянием. Этот критерий может иметь различные трактовки в контексте административного и уголовного права. Разнообразие интерпретаций подчеркивает его важность для практического применения законодательства.

Так, сторонники первой позиции полагают, что: «при совершении административного правонарушения общественная опасность отсутствует. Согласно такому мнению, административные правонарушения рассматриваются как общественно вредные» [10].

Другие авторы полагают, что: «одни административные проступки общественно опасны, а другие не имеют этого признака, поскольку для проступков такое качество, как общественная опасность, не является обязательным» [7].

Сторонники третьей позиции утверждают, что: «общественная опасность характерна как для административных правонарушений, так и для преступлений.

Однако административные правонарушения характеризуются меньшей степенью общественной опасности по сравнению с преступлениями» [9].

Концепция выделения «уголовного проступка» в отдельный вид противоправных деяний по-прежнему не пользуется широкой поддержкой.

Так И.М. Гальперин, например, считал, что: «включение «уголовного проступка» в Уголовный кодекс означало бы по существу лишь изменение терминологического характера» [9].

В настоящее время уголовное законодательство Российской Федерации, в отличие от аналогичных законов европейских стран, не содержит понятия уголовного проступка, такого деяния, которое будет находиться на грани между административным правонарушением и уголовным преступлением. Здесь мы говорим о том, что, будучи ранее привлеченным к административной ответственности за однократное правонарушение, лицо привлекается уже к уголовной ответственности, если совершает его повторно.

Введение термина «уголовный проступок» в правоприменительную практику может значительно упростить различие между административными правонарушениями и преступлениями, которые имеют схожие характеристики.

Так, например, статья 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет наказание за: «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» [1].

Анализируя положения ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: «срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию» [2].

В одном из решений суд, пришел к выводу о том, что: «для установления повторности лицо на момент совершения правонарушения должно быть уже подвергнутым административному наказанию, постановление по делу должно быть вынесено и вступить в юридическую

силу» [3].

В другом решении суд, напротив, посчитал, что: «первостепенное значение должно придаваться факту неоднократного привлечения лица к административной ответственности независимо от того, вступили ли соответствующие постановления об этом ко времени принятия решения в законную силу» [4].

В судебной практике нет единого мнения относительно начала отсчета привлечения лица к административной ответственности. Некоторые суды утверждают, что этот момент наступает с момента вынесения соответствующего постановления. В то же время другие суды считают, что отсчет начинается только тогда, когда постановление вступает в юридическую силу.

С.Н. Керамова пишет, что: «действующая в современных реалиях, правовая концепция административной ответственности подвергается на текущий момент серьезным изменениям. Наибольшее отражение такие изменения получили в многократном увеличении и нижних, и верхних пределов административных штрафов, а также в существенном увеличении сроков давности за некоторые отдельные составы административных правонарушений. По факту, если соразмерить размеры штрафов в качестве меры наказания, произошло смешение мер административной и уголовной ответственности. Данный факт следует расценивать как отрицательный, поскольку это может привести к образованию терминологической неясности такого рода правовых явлений, то негативно скажется на научно-теоретических и практических аспектах их применения» [11].

Понятие «административное правонарушение» закреплено в части 1 статьи 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [2].

Административное правонарушение — это действие или бездействие, нарушающее установленные нормы, совершенное физическими или юридическими лицами. Ответственность за такие правонарушения регулируется Кодексом и законами субъектов Федерации.

Л.А. Пономаренко пишет, что: «часть 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, в свою очередь, в качестве уголовного преступления подразумевает виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное данным Кодексом под угрозой наказания» [19].

Из относительности и известной условности разграничения административных правонарушений и преступлений исходит и Европейский Суд по правам человека, по мнению которого целый ряд составов административных правонарушений по своей природе и степени тяжести (репрессивности) наказания имеют уголовно-правовой характер; если национальное законодательство не относит соответствующее деяние к уголовно-противоправным, содержащиеся в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантии защиты лица от уголовного преследования не могут быть объектом свободного усмотрения при привлечении к административной ответственности; ответственность за любое деяние, если она характеризуется карательным и сдерживающим эффектом, присущим уголовным наказаниям, подпадает под признаки уголовного преследования (постановления от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против России», от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России», от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» и др.) [20].

При разграничении административной и уголовной ответственности в судебных разбирательствах, необходимо в первую очередь определять степень общественной опасности совершенного деяния, а также тяжесть наступивших в результате того или иного деяния последствий, ведь именно тяжесть наступивших последствий определяет повышенную степень общественной опасности содеянного, которое из разряда административного правонарушения трансформируется в уголовно-наказуемое преступление, и в зависимости от категории его тяжести влечет уголовное наказание. Вопрос о виде ответственности решается в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств содеянного

и тяжести наступивших последствий. Однако одновременное привлечение лица к административной и уголовной ответственности за совершение одних и тех же действий невозможно [11].

Также, необходимо отметить, что действующие сегодня Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации содержат большое количество норм, устанавливающих ответственность за схожие или смежные правонарушения. По этой причине в практической деятельности возникают ситуации, когда одно и то же деяние со стороны разных уполномоченных лиц может квалифицироваться и как уголовное преступление, и как административное правонарушение

Таким образом, на основании исследования судебной практики по разграничению составов уголовных преступлений и административных правонарушений можно сделать вывод о необходимости более четкого определения критериев для квалификации деяний. Правоприменительная практика должна основываться на ясных и однозначных

нормах законодательства, что позволит избежать произвольности в квалификации действий правонарушителей. Эффективное разграничение этих видов ответственности имеет важное значение для обеспечения справедливости в правосудии и защиты прав граждан.

Подводя итог, следует сказать, что проведенное исследование дает представления о важности корректной и точной квалификации противоправного деяния для правоприменительной деятельности. В зависимости от наличия или отсутствия некоторых условий (например, размер имущественного ущерба, тяжесть причиненного вреда здоровью, способ совершения и т. д.) вид ответственности, к которому привлекается лицо, и наказание применимое могут быть изменены.

Неверная квалификация схожих на первый взгляд посягательств на практике может привести к нарушению функционирования правовой системы, выраженном в применении либо чрезмерного количества уголовных санкций и судимости, либо более легкого наказания. Оба варианта являются крайними проявлениями и не будут способствовать исполнению цели наказания

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 N 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954*
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1*
- [3] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.05.2014 по делу № А74-407/2014 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 12.11.2024).
- [4] Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.06.2015 по делу № 10-7485/2015 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 12.11.2024).
- [5] Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // «СУ РСФСР», 1922, №15, ст.153.
- [6] Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: Учебник. -М.: ИКД Зерцало-М. - 2023. 869 с.
- [7] Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Учеб. пособие. Пермь, 1969. С. 71—72.
- [8] Галахова А. В. О юридической технике и судебном толковании смежных преступлений и административных правонарушений // *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования Московского государственного университета им. М.В.*

Ломоносова, 27-28 мая 2004 г. - М.: ЛексЭст, 2005. - С. 122-127.

[9] Гальперин И. М. Социальные и правовые основы депенализации // Советское государство и право. - М.: Наука, 1980, № 3. - С. 60-59.

[10] Дружинина В. Ф. О разграничении преступления и административного проступка // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 132-133.

[11] Керамова, С. Н. Проблемы разграничения административной и уголовной ответственности // Закон и право. 2020. № 1. С. 166–169.

[12] Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. - Изд.: С.-Петербург. ун-та, 2020, № 3. - С. 58-74.

[13] Кузнецова И. Ф. Преступление и преступность// Избр. труды. - Изд.: СПб. Юридический центр Пресс. - 2023. 1293 с.

[14] Ляшева Ю. А. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов (проблемы законодательной техники и правоприменения). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - СПб. 2022. – 479 с.

[15] Захарова С.С., Хамизова С.А. Влияние социально-экономических фактов на формирование административно-деликтной и уголовной политики государства // Проблемы уголовной ответственности и наказания: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (г. Рязань, 18 ноября 2020 г.) / Под ред. В.Ф. Лапишина. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. С. 40.

[16] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2025 N 51-УДП25-6-К8

[17] «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020)

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2023 N 2175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Латыпова Константина Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации»

[19] Пономаренко Л. А. К вопросу об установлении уголовной и административной ответственности за хулиганство // Эпомен. 20202019. №. 24. С. 233–239.

[20] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 N 25 Art. 2954

[2] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 N 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 7, 2002 N 1 (Part I) Art. 1

[3] Resolution of the Third Arbitration Court of Appeal of May 27, 2014 in case No. A74-407/2014 // SPS ConsultantPlus (date of access 11/12/2024).

[4] Appellate ruling of the Moscow City Court dated June 17, 2015 in case No. 10-7485/2015 // SPS ConsultantPlus (date of access November 12, 2024).

[5] Criminal Code of the RSFSR of 1922 // «SU RSFSR», 1922, No. 15, art. 153.

[6] Alekhine A. P., Karmolitsky A. A. Administrative Law of Russia: Textbook. - М.: IKD

Zertsalo-M. - 2023. 869 p.

[7] Bakhrakh D. N. *Soviet legislation on administrative responsibility. Textbook. manual.* Perm, 1969. Pp. 71-72.

[8] Galakhova A. V. *On legal technique and judicial interpretation of related crimes and administrative offenses // The relationship between crimes and other offenses: modern problems. Proceedings of the IV International scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of the foundation of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, May 27-28, 2004. - M.: LexEst, 2005. - P. 122-127.*

[9] Galperin I. M. *Social and legal foundations of depenalization // Soviet state and law. - M.: Science, 1980, No. 3. - P. 60-59.*

[10] Druzhinina V. F. *On the distinction between a crime and an administrative offense // Soviet state and law. 1978. No. 4. P. 132-133.*

[11] Keramova, S. N. *Problems of delineation of administrative and criminal liability // Law and Right. 2020. No. 1. P. 166-169.*

[12] Konstantinov P. Yu., Solovieva A. K., Stukanov A. P. *The relationship between administrative offenses and crimes: problems of theory and practice // Jurisprudence. - Publ.: St. Petersburg. University, 2020, No. 3. - P. 58-74.*

[13] Kuznetsova I. F. *Crime and criminality // Selected works. - Publ.: St. Petersburg Legal Center Press. - 2023. 1293 p.*

[14] Lyasheva Yu. A. *Criminal liability for illegal extraction of aquatic biological resources (problems of legislative technique and law enforcement). Dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. - St. Petersburg. 2022. - 479 p.*

[15] Zakharova S.S., Khamizova S.A. *The influence of socio-economic facts on the formation of administrative-tort and criminal policy of the state // Problems of criminal liability and punishment: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of professors V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsov (Ryazan, November 18, 2020) / Ed. V.F. Lapshin. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. P. 40.*

[16] *Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.05.2025 N 51-UDP25-6-K8*

[17] *«Review of Certain Issues of Judicial Practice Related to the Application of Legislation and Measures to Counteract the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19) in the Territory of the Russian Federation N 1» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.04.2020)*

[18] *Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.09.2023 N 2175-O «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Konstantin Evgenievich Latypov on the Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation»*

[19] Ponomarenko L.A. *On the Issue of Establishing Criminal and administrative liability for hooliganism // Epomen. 20202019. No. 24. P. 233-239.*

[20] *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 N 2-P «On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin»*

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.09.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2025-3-67-74

ЗОТИКОВ Денис Владимирович,

магистрант Академии управления МВД России, начальник Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России

по Магаданской области,

e-mail: dzotikov2@mvd.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЯЖКИМ И ОСОБО ТЯЖКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам оптимизации работы руководителя органа внутренних дел на региональном и районном уровне, связанной с защитой бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ на территории оперативного обслуживания. Автором проводится анализ применяемых руководителем мер организационно-управленческого характера, позволяющий подчиненным оперативным сотрудникам эффективно документировать и пресекать совершаемые преступления в указанной сфере экономики.*

Ключевые слова: *бюджетные средства, экономические преступления, оперативно-розыскная деятельность, противодействие преступлениям, хищение, управленческие меры, национальные проекты, программы.*

ZOTIKOV Denis V.,

Master's student Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Economic Security and Anti-Corruption Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan region

ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL MEASURES TO COUNTER SERIOUS AND ESPECIALLY SERIOUS ECONOMIC CRIMES AND CORRUPTION RELATED TO THE EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS IN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTING NATIONAL PROJECTS AND FEDERAL TARGETED PROGRAMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In the article, the author discusses the issues related to optimizing the work of heads of internal affairs bodies at the regional and district levels in terms of protecting budget funds allocated for implementing national projects and federal targeted programs within their operational areas. The author examines organizational and management measures implemented by these heads, which allow subordinate officers to effectively record and prevent crimes committed in the relevant economic sectors.*

Key words: *budgetary funds, economic crimes, operational investigative activities, crime prevention, embezzlement, management measures, national projects and programs.*

Защита выделяемых бюджетных средств на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ с учётом складывающейся сложной социально-экономической ситуации в России, в том числе функционирование государства в условиях давления политических, экономических санкций и проведения специальной военной операции, приобретает все большую значимость и выступает приоритетным направлением оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Вопросы защиты бюджетных средств, а также особенности преступлений мошеннического характера в сфере экономической деятельности рассматривались авторами такими как Григорьева И.В. [2], Ларичев В.Д. [3], Мангасаров Р.А. [4, 5, 6, 7], Павличенко Н.В. [8, 9], Репин М.Е. [10], Цирин А.М. [12] и другими.

В целях обеспечения научно-технологического и социально-экономического развития страны, повышения уровня жизни, создания условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого гражданина Российской Федерации Президентом РФ В.В. Путиным был определён перечень национальных проектов, который утверждён Указами Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В 2025 году дополнительно были определены ещё девять национальных проектов, направленные на решение проблем кадровой ситуации, создание условий для эффективной и конкурентной экономики, развития туризма и гостеприимства, а также международной кооперации и экспорта.

Кроме того, одновременно с национальными проектами, с целью усиления инвестиционно-инновационной направленности бюджетных расходов на территории России в настоящее время реализуется пять федеральных целевых

программ.

Согласно сведениям Министерства финансов РФ, на финансовое обеспечение национальных проектов, утверждённых до 2025 года, государством выделено более 16,2 трлн руб. Для финансирования новых национальных проектов предусмотрен бюджет объёмом более 40,74 трлн руб. Объём выделенных бюджетных ассигнований на реализацию федеральных целевых программ в 2025 году составил 170,3 млрд руб.

Масштабность государственного финансирования, разноплановость отраслей и объектов экономики, участвующих в освоении бюджетных средств делают данную сферу привлекательной для совершения противоправных действий среди широкого круга лиц.

Особенности механизма совершения преступлений экономической и коррупционной направленности актуализируют вопросы повышения эффективности правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Наблюдается высокая латентность совершаемых противоправных деяний в сфере реализации национальных проектов и федеральных целевых программ, а также сложность и объём документирования совершаемых преступлений. Вопрос грамотного осуществления оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) является одним из важнейших в деятельности руководителя органа внутренних дел.

Учитывая специфику рассматриваемого вопроса, можно выделить следующие основные организационно-управленческие меры, применяемые руководителями, правомочными на осуществление оперативно-розыскной деятельности:

1. Анализ оперативной обстановки - оценка состояния криминогенной обстановки в бюджетной сфере, сложившейся на определённой территории в конкретный период времени.

Анализу подвергается массив информации, отражающий объём

выделяемого финансирования на реализацию национальных проектов (программ) и федеральных целевых программ, проводимой претензионной работы со стороны заказчиков заключения договорных отношений, сведений о лицах, внесённых в реестр недобросовестных поставщиков, количества выявленных преступлений и административных правонарушений в указанной сфере, заявлений и обращений граждан, анонимных сообщений, а также поступающей информации от лиц, оказывающих содействие и сотрудничество на конфиденциальной основе, по фактам совершения коррупционных и экономических составов преступлений, в том числе хищений бюджетных средств, выделяемых на указанные цели и так далее.

В соответствии с Инструкцией об организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённой приказом МВД России от 26.09.2018 № 623, в зависимости от временного периода, анализ оперативной обстановки осуществляется:

- за длительный период (более 1 года);
- за отчётный период (закрытый кварталный период);
- за текущий период (ежедневно, ежемесячно);
- во внеочередном порядке (на текущую дату).

Основной задачей проводимого анализа является получение полного и объективного представления о состоянии преступности в сфере реализации национальных проектов и федеральных целевых программ, причинах происходящих изменений в криминогенной ситуации, подготовка предложений по их устранению.

2. Прогнозирование - проведение научного исследования, направленное на установление конкретных перспектив изменения криминогенной обстановки в сфере реализации национальных проектов и федеральных целевых программ.

Согласно Инструкции об организации

информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённой приказом МВД России от 26.09.2018 № 623, при осуществлении оперативно-служебной деятельности, в зависимости от временного периода, органами внутренних дел применяются следующие виды прогнозов:

- краткосрочный (сроком менее 1 года);
- среднесрочный (от 1 до 5 лет);
- долгосрочный (более 5 лет).

При составлении прогнозов сотрудниками полиции используются такие научные методы как статистическая экстраполяция динамических рядов, многофакторное моделирование и экспертное прогнозирование.

Основной целью прогнозирования является выработка мер предупредительного характера, направленных на декриминализацию бюджетной сферы.

3. Определение целей, задач и приоритетных направлений деятельности включает в себя разработку конкретных мер, направленных на достижение желаемого результата.

Цель - результат, который необходимо достичь органу внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, направленной на защиту бюджетных средств. Зачастую цели носят широкий и долгосрочный характер.

В зависимости от масштаба, определяемые руководителем цели, можно условно разделить на два вида:

1) Непосредственные цели (обеспечение и защита нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений, органов местного самоуправления).

2) Цели более высокого уровня (укрепление законности и правопорядка, предупреждение совершения преступлений, исправление осуждённых, правовое и нравственное воспитание граждан).

Задача - мера управленческого

характера, исполнение которой позволит достичь поставленной цели.

В системе МВД России постановка целей и задач осуществляется на федеральном (находит своё отражение в указах Президента Российской Федерации, директивах и решениях коллегии МВД России), региональном (распорядительные документы УМВД России на региональном уровне, решения коллегий и совещаний) и районном (распорядительные документы ТОМВД на районном уровне, решения совещаний) уровнях.

При определении целей и задач руководителю необходимо учитывать такие критерии, как актуальность, достижимость, установление сроков и согласованность.

Приоритетные направления - направления деятельности органов внутренних дел, реализация которых обеспечит достижение целей высокого уровня.

Перечень приоритетных направлений по защите бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ определяется исходя из директивных указаний МВД России, а также решений руководства территориальных органов МВД России, прокуратуры и глав администраций субъектов Российской Федерации. Данный перечень закрепляется соответствующими распоряжениями или приказами по территориальным органам внутренних дел МВД России на региональном и районном уровнях.

В зависимости от складывающейся криминогенной обстановки на территории обслуживания в качестве приоритетных направлений деятельности подразделения ЭБиПК могут определяться:

- сфера экономической деятельности целиком, в данном случае бюджетная сфера;
- более узкое направление такое как сфера реализация национальных проектов (программ);
- сфера реализации федеральных целевых программ;
- орган государственной власти, являющийся распорядителем указанных бюджетных средств и заказчиком при

заключении государственных контрактов;

- должностное лицо, наделённое определёнными властными полномочиями в рассматриваемой сфере.

Правильное определение целей, задач и приоритетных направлений деятельности органа внутренних дел, способствует грамотной организации работы по защите бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ.

4. Планирование - выработка управленческих решений, направленных на достижение поставленных перед органом внутренних дел (подразделением ЭБиПК) целей, определение очередности проведения мероприятий, сил и сроков их исполнения.

В соответствии с Инструкцией по организации планирования в органах внутренних дел, утверждённых приказом МВД России от 01.10.2020 № 683 процесс планирования представлен следующими этапами:

- Обобщение и систематизация полученной информации.
- Сбор предложений заинтересованных структурных подразделений для включения в проект плана.
- Подготовка и согласование проекта документа с заинтересованными подразделениями.
- Утверждение проекта плана и его доведение до заинтересованных лиц.

В зависимости от уровня планирования проект плана утверждается соответствующим руководителем. Так, на уровне МВД России план утверждается Министром внутренних дел Российской Федерации Колокольниковым В.А., планы ГУЭБиПК МВД России - курирующим заместителем Министра - генерал-полковником полиции Храповым А.И., либо начальником Управления генерал-лейтенантом полиции Курносенко А.А., планы ТОМВД на региональном и районном уровне - начальником соответствующего органа внутренних дел.

5. Организация проведения предписанных к исполнению мероприятий - «деятельность субъекта управления любого

уровня, направленная на осуществление организации исполнения своих собственных решений, а также исполнения решений вышестоящих субъектов управления» [11, с. 8]. Данный этап по своему содержанию представляет наиболее трудоёмкий и сложный вид деятельности. Каким бы грамотным не было бы выработанное управленческое решение, если не будет правильно организовано его исполнение, оно никогда не сможет достичь поставленной цели.

По своему содержанию организацию проведения предписанных к исполнению мероприятий можно разделить на следующие этапы:

1) Доведение решения до сведения исполнителей - ознакомление сотрудников с содержанием управленческого решения.

2) Уяснение задач и детализация порядка исполнения управленческого решения - максимально точное и детальное уяснение смысла и содержания выработанного управленческого решения.

3) Подбор и расстановка количественного состава - выбор исполнителей, которые обладают необходимым опытом в осуществлении оперативно-розыскной деятельности, а также личностными качествами, способные наиболее полно и грамотно выполнить поставленные задачи.

4) Инструктаж исполнителей - доведение до оперативных сотрудников информации о криминогенной обстановке, конкретных поручениях, алгоритме их исполнения, уточнении вопросов взаимодействия исполнителей, мер личной безопасности и т.д.

5) Обеспечение деятельности исполнителей - создание условий, при которых поставленные в управленческом решении цели и задачи могут быть достигнуты (нормативно-правовое и методическое обеспечение, материально-техническое и финансовое обеспечение).

Зачастую перечисленные «этапы» последовательно сменяют друг друга, а иногда выступают как нечто целое без заметного перехода от одного элемента к другому. Это характерно для случаев организации

исполнения простейших повторяющихся решений» [1, с. 69].

6. Контроль - совокупность действий, реализуемых в целях их своевременного и качественного исполнения.

В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации, утверждённой приказом МВД России от 02.09.2024 № 515, при осуществлении управленческой деятельности применяются следующие виды контроля:

1) Промежуточный - устанавливается с целью осуществления контроля за выполнением особо важного поручения, имеющего промежуточные этапы исполнения.

2) Заключительный - осуществляется по окончании выполнения поручения в целом.

Кроме того, в ходе повседневной деятельности руководством органов внутренних дел и руководителем подразделения ЭБиПК может применяться текущий вид контроля, который заключается в регулярном сборе информации о ходе исполнения поручения и наблюдением за отклонением от тех показателей, которые служат критерием оценки эффективности их исполнения.

В зависимости от вида поручения, в качестве субъекта контроля, может выступать как структурное подразделение (подразделения штаба, делопроизводства и режима, ЭБиПК), так и руководитель, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности (начальник органа внутренних дел, начальник полиции, заместитель начальника полиции по оперативной работе).

Информация об исполнении поручения докладывается с соблюдением режима секретности исполнителем (ответственным исполнителем) субъекту контроля с приложением соответствующих документов, отражающих результат проведённых мероприятий. В случае если в установленный срок поручение осталось невыполненным, субъектом контроля срок исполнения продляется, проведение мероприятия продолжает оставаться на контроле.

7. Оценка качества выполненных

мероприятий - анализ результатов работы, оценка вклада в общую деятельность отдельных исполнителей, выявление просчётов и ошибок, допущенных в ходе исполнения управленческого решения.

В соответствии с Инструкцией, утверждённой приказом МВД России от 01.10.2020 № 683, оценка качества выполняемых мероприятий оформляется в виде отчётного документа в форме рапорта, справки или докладной записки, отражающих следующую информацию:

- сведения о своевременности и полноте выполнения запланированных мероприятий;
- выявленные нарушения и недостатки, допущенные исполнителями при выполнении предписанных мероприятий, выработка предложений по их устранению;
- выводы о признании поручения в целом выполненным, либо о его невыполнении с выработанными предложениями о порядке их дальнейшей реализации;
- предложения о поощрении лиц, достигших высоких результатов в оперативно-служебной деятельности, а также привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, допустивших нарушения действующего законодательства, а также просчёты при выполнении предписанных для исполнения мероприятий.

8. Выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений экономической и коррупционной направленности - является профилактической мерой, направленной на исключение совершения участниками бюджетного процесса уголовно-наказуемых деяний, выявленных в ходе оперативно-розыскной и процессуальной деятельности на объектах экономики.

Проведение указанных мероприятий можно условно разделить на два вида:

- 1) Общая профилактика - установление причин и условий, способствующих совершению преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в бюджетной сфере, выработка действенных мер по их устранению.
- 2) Индивидуальная профилактика -

выявление лиц, являющихся участниками бюджетного процесса, чьё поведение, совершение определённых поступков, прямым образом указывают на их предрасположенность к совершению противоправного деяния, и оказании на них предупредительного воздействия.

9. Нормотворчество - деятельность органа внутренних дел на региональном и районном уровне, его структурного подразделения, направленная на разработку, изменение, признание утратившими силу или отмену действующих правовых актов.

В качестве основных направлений нормотворческой деятельности можно выделить:

- 1) Выявление юридических коллизий, а также имеющихся пробелов в законодательстве, регулирующих сферу реализации национальных проектов и федеральных целевых программ.
- 2) Подготовка и издание в пределах компетенции правовых актов, направленных на защиту бюджетных средств, выделяемых на указанные цели.
- 3) Изучение проектов правовых актов подготовленных органами исполнительной власти, не входящих в систему МВД России, внесение предложений по их доработке, проведение правовой экспертизы, оформление отзыва и составление мотивированного заключения.

Таким образом, в целях достижения задач, стоящих перед территориальным органом внутренних дел на региональном и районном уровне, при организации оперативно-розыскных мероприятий, направленных на защиту бюджетных средств, выделяемых в рамках реализации национальных проектов и федеральных целевых программ, руководитель должен последовательно и грамотно применять предложенные организационно-управленческие меры.

На первоначальном этапе необходимо проведение анализа оперативной обстановки, осуществление прогнозирования, чёткое определение целей, задач, приоритетных направлений оперативно-розыскной

деятельности, а также разработка плана проводимых мероприятий, с учётом сил и сроков их исполнения.

На втором этапе следует организовать исполнение предписанных мероприятий. На завершающем этапе руководитель структурного подразделения ЭБиПК должен обеспечить контроль, провести оценку качества исполнения мероприятий, выявить и устранить причины и условия, способствующий совершению преступлений.

Реализация этапа нормотворчества позволяет выявить и в дальнейшем учесть

существующие пробелы в законодательстве, поскольку именно в процессе практического применения обнаруживаются области, которые не были учтены в нормативных актах. Кроме того, данный этап позволяет выявить противоречия и неполноту действующих норм.

Повышение эффективности работы оперативных подразделений по данному направлению деятельности возможно только через синтез мер нормативно-правового, организационно-управленческого и оперативно-служебного характера.

Список литературы:

- [1] Бавсун И.Г. Основы управления и делопроизводства в органах внутренних дел: учебное пособие. - Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 69.
- [2] Григорьева И.В. Хищения государственных бюджетных средств как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №5. С. 204-206.
- [3] Ларичев В. Д. Причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере экономической деятельности // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 151-159.
- [4] Мангасаров Р.А. Особенности борьбы с хищениями бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий (на примере борьбы с хищениями в агропромышленном комплексе) // Аграрное и земельное право. 2020. № 2 (182). С. 143-146.
- [5] Мангасаров Р.А. Предупреждении хищений бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий: внедрение счетов эскроу // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 38-43.
- [6] Мангасаров Р.А., Павличенко Н. В. Противодействие хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов: монография. М.: Академия управления МВД России, 2023. 111 с.
- [7] Мангасаров Р.А. Организация противодействия хищениям бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий // Вестник УЮИ. 2024. №1 (103). С. 120-128.
- [8] Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. М., 2016. 185 с.
- [9] Павличенко Н.В. Проблемы взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения: теоретические и прикладные проблемы // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 148-151.
- [10] Ретин М.Е. Характеристика преступлений мошеннического характера, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С.177-181.
- [11] Туманов А.Г. Организация исполнения управленческих решений в органах внутренних дел. Лекция. Высшая школа МВД СССР. Москва - 1971. С. 8.
- [12] Цирин А.М. Противодействие коррупции в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 47-52.

References:

- [1] Baysun I.G. *Fundamentals of Management and Office Work in the Internal Affairs Bodies: A Textbook*. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. P. 69.
- [2] Grigorieva I.V. *Theft of State Budget Funds as a Threat to the Economic Security of the Russian Federation* // *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 5. P. 204-206.
- [3] Larichev V.D. *Causes and Conditions Contributing to the Commission of Crimes in the Sphere of Economic Activity* // *Society and Law*. 2015. No. 4 (54). P. 151-159.
- [4] Mangasarov R.A. *Features of the Fight against theft of budget funds allocated in the form of grants and subsidies (using the example of the fight against theft in the agro-industrial complex)* // *Agrarian and Land Law*. 2020. No. 2 (182). P. 143-146.
- [5] Mangasarov R.A. *Prevention of theft of budget funds allocated in the form of grants and subsidies: introduction of escrow accounts* // *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2023. No. 5 (56). P. 38-43.
- [6] Mangasarov R.A., Pavlichenko N.V. *Counteracting theft of budget funds allocated for the implementation of state programs and national projects: monograph*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 111 p.
- [7] Mangasarov R.A. *Organization of counteracting theft of budget funds allocated in the form of grants and subsidies* // *Bulletin of the ULI*. 2024. No. 1 (103). P. 120-128.
- [8] Pavlichenko N.V. *Legal and theoretical problems of ensuring secrecy in operational-search activities: monograph*. Moscow, 2016. 185 p.
- [9] Pavlichenko N.V. *Problems of interaction between operational-search agencies and the population: theoretical and applied problems* // *Society and Law*. 2016. No. 3 (57). P. 148-151.
- [10] Repin M.E. *Characteristics of fraudulent crimes committed in the agro-industrial complex* // *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. No. 2 (30). P. 177-181.
- [11] Tumanov A.G. *Organization of execution of management decisions in internal affairs agencies. Lecture. Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs*. Moscow - 1971. P. 8.
- [12] Tsirin A.M. *Combating corruption in the Russian Federation: problems of legal regulation* // *Journal of Russian Law*. 2012. No. 12. P. 47-52.

ОВАНЕСОВ Борис Карэнович,

*Магистр права, адвокат практики «Разрешение споров» Санкт-Петербургской
коллегии адвокатов «Pen&Paper»,*

e-mail: boris28.ova@gmail.com

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) в контексте освобождения от гражданско-правовой ответственности. Автор исследует юридические критерии признания событий непреодолимой силы, а также практику применения соответствующих норм в судебных спорах. Особое внимание уделяется вопросам доказывания форс-мажорных обстоятельств и их влияния на договорные обязательства.*

Ключевые слова: *обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажорные обстоятельства, гражданско-правовая ответственность, судебная практика.*

OVANESOV Boris Karenovich,

*Master of Law, Lawyer, Dispute Resolution Practice, St. Petersburg Bar Association
Pen & Paper*

FORCE MAJEURE AS A BASIS FOR INDEMNIFICATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of force majeure circumstances in the context of exemption from civil liability. The author examines the legal criteria for recognizing force majeure events, as well as the practice of applying the relevant norms in litigation. Particular attention is paid to the issues of proving force majeure and their impact on contractual obligations.*

Key words: *force majeure, force majeure, civil liability, judicial practice.*

При наступлении обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) должник может быть освобожден от гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства. Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ к таким обстоятельствам относятся чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях события. Например, Е.А. Суханов отмечает, что форс-мажор – это событие, которое невозможно предотвратить имеющимися средствами, даже если его можно было предвидеть [7]. Классическими примерами служат стихийные бедствия, войны, эпидемии и подобные явления [12]. Важное условие – у должника не должно быть возможности повлиять на происходящее; событие внешне по отношению к деятельности сторон и не связано с их виновным поведением. Так, А.Г. Карапетов указывает на необходимость отличать форс-мажор от бытовых случаев: форс-мажор выходит

за пределы обычного житейского риска, и суды должны оценивать каждую ситуацию индивидуально [11].

Судебная практика подтверждает, что лишь действительно чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства освобождают нарушителя от ответственности. Во многих спорах суды отказывают признавать форс-мажор, если речь идет о типичных коммерческих рисках. Например, отсутствие необходимых денежных средств у должника не считается форс-мажором, как прямо указано в законе; также не являются непреодолимой силой такие ситуации, как неисполнение обязательств контрагентами должника или дефицит нужных товаров на рынке [16]. Суды отмечают, что подобные проблемы могли быть предусмотрены и преодолены обычными мерами. В частности, в обзоре практики Верховного Суда

приводится перечень обстоятельств, которые не признаются непредвиденными: нарушения со стороны партнеров, отсутствие товаров, а также банальная нехватка денег у должника не освобождают его от ответственности [3].

Вместе с тем из судебной практики следует, что при наличии подлинно чрезвычайных помех суды готовы освободить должника от санкций за нарушение. Современные события, такие как пандемия COVID-19 и санкционные ограничения, заставили по-новому взглянуть на форс-мажор. Верховный Суд РФ в одном из своих обзоров разъяснил, что распространение новой коронавирусной инфекции само по себе не является универсальным форс-мажором для всех обязательств: нельзя «автоматически» ссылаться на пандемию по ст. 401 ГК РФ, чтобы избежать ответственности; необходимо детально доказать, как именно конкретные ограничительные меры повлияли на исполнение обязательства. Суд указал, что в одних случаях COVID-19 может признаваться форс-мажором, в других – нет, в зависимости от вида деятельности, региона и условий договора. Аналогично, введенные в 2022 году санкции и разрывы цепочек поставок не всегда рассматриваются как непреодолимая сила. Зачастую суды считают, что многие санкционные риски были прогнозируемы (например, санкции 2014 года уже научили бизнес предусматривать сложности) [6]. Поэтому ссылки поставщиков на санкции нередко отклоняются, и покупатели взыскивают договорную неустойку за просрочку поставок. Однако, если появились по-настоящему новые запретительные меры, не ожидавшиеся сторонами, подход меняется. Так, отмечается, что персональные санкции против конкретного должника или внезапные требования по лицензированию продукции могут быть признаны форс-мажором [14]. В подобных ситуациях поставщика освобождают от ответственности, поскольку ограничения возникли после заключения сделки и непосредственно помешали ее исполнению. Практика показывает: форс-мажор может препятствовать даже исполнению денежного обязательства, если государственные или внешние запреты делают

платеж невозможным. Например, в 2022 г. имели место случаи, когда из-за санкций банковские переводы были заблокированы: Торгово-промышленная палата РФ выдавала сертификаты о форс-мажоре [15], подтверждая, что именно санкционная мера напрямую исключила возможность оплаты.

Классическим следствием освобождения от ответственности является невозможность взыскать с должника договорную неустойку (штраф, пени) за период, когда имело место воздействие непреодолимой силы. Как подчеркивает А.А. Иванов, форс-мажор освобождает должника именно от гражданско-правовой ответственности – например, от возмещения убытков и уплаты неустойки [17], хотя само обязательство не прекращается. Это означает, что должник обязан исполнить обязанность в натуре, когда препятствие отпадет, но штрафные санкции за просрочку не применяются, если доказывается причинная связь между форс-мажором и нарушением. Судебная практика подтверждает данный принцип. В одном деле, где поставщик задержал поставку из-за аномального наводнения, он оплатил только основной долг, отказавшись платить пени; государственный суд отказал во взыскании неустойки, учитывая, что задержка вызвана объективным стихийным бедствием. Выходит, что при надлежащем подтверждении форс-мажора (справками уполномоченных органов, свидетельствами и пр.) суд, как правило, откажет во взыскании договорной неустойки, начисленной за период действия таких обстоятельств. Разумеется, бремя доказывания форс-мажора лежит на должнике; ему необходимо своевременно уведомить кредитора о возникновении чрезвычайных препятствий и минимизировать возможный ущерб контрагенту (ст. 404 ГК РФ). Если должник не известил о форс-мажоре и тем самым усугубил положение кредитора, это может повлечь отказ в полном освобождении – суд может взыскать убытки в части, возникшей из-за несвоевременного уведомления. Однако сам по себе пропуск срока исполнения под воздействием форс-мажора не создает обязанности платить неустойку. Практически во всех типовых

договорах включается условие, дублирующее норму закона: сторона освобождается от уплаты штрафных санкций, если докажет, что нарушение обязательства произошло вследствие непреодолимой силы.

Особый интерес представляет вопрос о процентах за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) при форс-мажоре. Договорная неустойка обычно предусматривает фиксированную или процентную сумму штрафа за просрочку, и при наличии такой оговорки закон не позволяет одновременно взыскивать проценты по ст. 395 ГК РФ (проценты за просрочку платежа) [10]. Это прямо установлено в п. 4 ст. 395 ГК РФ: если за неисполнение денежного обязательства сторонами согласована неустойка, то законные проценты (ст. 395) не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено договором или законом. Тем самым исключается двойная ответственность: либо применяется договорная неустойка, либо предусмотренные законом проценты. После реформы обязательственного права 2015 года проценты по ст. 395 ГК РФ фактически выполняют роль законной неустойки за задержку денежных платежей. Как разъясняется в литературе, этот механизм является формой ответственности, установленной законом, на случай просрочки исполнения денежного долга [8]. Размер таких процентов привязан к ключевой ставке Банка России за период просрочки (п. 1 ст. 395 ГК РФ) и обычно ниже, чем размер договорной неустойки, поэтому кредиторы нередко включают в договор свои штрафные санкции. Если же стороны не предусмотрели ничего сверх основного долга, кредитор вправе требовать уплаты еще и процентов по ст. 395 ГК РФ за время просрочки.

Вопрос о снятии обязанности платить проценты по ст. 395 ГК РФ при форс-мажоре является предметом дискуссии. Судебная практика рассматривает проценты за просрочку платежа как одну из мер гражданско-правовой ответственности за нарушение денежного обязательства. Такой подход закреплён еще в Постановлении Пленумов ВС и ВАС РФ № 13/14 от 1998 г., в котором отмечено, что годовые проценты по ст. 395 – это именно форма ответственности,

а не плата за пользование деньгами [4]. Отсюда следует логический вывод: если ответственность должника исключается (например, вследствие непреодолимой силы), то и обязанность уплатить проценты за период действия форс-мажора не должна возникать. Иначе говоря, при доказанном форс-мажоре должник может быть освобожден не только от договорной неустойки, но и от начисления законных процентов за просрочку долга, ведь и те, и другие – санкция за нарушение. Именно так ситуацию обычно воспринимают суды, хотя прямых разъяснений высших судов именно по комбинации форс-мажора и ст. 395 ГК РФ немного. Косвенно на это указывает то, что проценты рассматриваются судами как минимальная компенсация за задержку денег, которая взимается лишь при отсутствии уважительных причин неисполнения. Например, Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что установленный законом размер процентов уже сам по себе минимален и не может быть снижен судом по ст. 333 ГК РФ [5, п. 8]. По сути, если обстоятельства непреодолимой силы доказаны, это означает отсутствие вины и фактическую невозможность исполнения – в такой ситуации у суда, как правило, не возникает вопроса о начислении процентов, поскольку отсутствует сама основа ответственности должника.

Интересно, что в доктрине существует и иная точка зрения. Ряд цивилистов (в частности, В.А. Белов [9], М.Г. Розенберг [13] и др.) полагают, что проценты по ст. 395 ГК РФ – это не столько мера ответственности, связанная с виновным поведением, сколько способ компенсации потери кредитором пользования денежными средствами, то есть своего рода плата за чужой капитал. С этой позиции проценты носят внедоговорный характер обогащения должника и подлежат начислению даже при отсутствии вины, поскольку должник фактически удерживал деньги, причитавшиеся кредитору. Проценты в таком случае рассматриваются не как возмещение убытков (не как ответственность в строгом смысле), а как компенсация неосновательного обогащения должника вследствие неплатежа. Приверженцы данной

теории указывают на экономическое сходство законных процентов со ставкой банковского процента по займу: независимо от причин просрочки, кредитор был лишен возможности пользоваться своими деньгами, а должник этой возможностью обладал. Поэтому даже если просрочка вызвана форс-мажором, по мнению этих авторов, должник должен заплатить проценты за время задержки – хотя бы в минимальном размере, установленном ключевой ставкой. Данная точка зрения находит отражение преимущественно в научной литературе. В практическом плане ее реализация затруднительна, поскольку российское законодательство прямо не отделяет проценты по ст. 395 ГК РФ от мер ответственности. Напротив, закон (п. 6 ст. 395 ГК РФ) и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации указывают, что проценты имеют штрафную природу: суд может уменьшить предусмотренные договором повышенные проценты, но не ниже размера, рассчитанного по ключевой ставке (то есть не ниже уровня, установленного законом в п. 1 ст. 395). Конституционный Суд России также подтвердил компенсационно-штрафной характер процентов: в Постановлениях от 12.07.2023 № 39-П [1] и от 04.04.2024 № 15-П [2] был разъяснен конституционно-правовой смысл нормы о процентах, чтобы обеспечить баланс интересов сторон и недопущение неоправданно чрезмерных санкций. В частности, подтверждено, что методика расчета процентов должна основываться на законе, действовавшем в соответствующий период, и суд не вправе снижать сумму процентов ниже предусмотренного минимального уровня. Эти позиции высших судов укрепляют вывод, что проценты по ст. 395 ГК РФ – хотя и минимальная, но именно мера ответственности, не подлежащая произвольному уменьшению.

Итак, обстоятельства непреодолимой силы служат законным основанием

освобождения должника от имущественной ответственности за нарушение обязательства. Если форс-мажор доказан, должник не возмещает кредитору убытки и не уплачивает договорную неустойку за просрочку исполнения. Судебная практика последовательно придерживается этого правила, требуя, однако, строгого доказательства т.н. «чрезвычайности» и «непредотвратимости» события. Очевидно, что не любая трудность в исполнении обязательств по договору признаётся форс-мажором: бизнес-риски, финансовые кризисы или экономические просчёты сторон ответственности не устраняют. Вместе с тем недавние события (пандемия, санкции) показали гибкость подхода судов: при наличии внешних запретительных мер, объективно делающих исполнение временно невозможным, суды освобождают должников от штрафных санкций, учитывая принцип добросовестности и баланс интересов. В отношении процентов по ст. 395 ГК РФ преобладает точка зрения, что они разделяют правовую судьбу неустойки, т.к. являются предусмотренной законом мерой ответственности за просрочку платежа. Поэтому при наличии форс-мажора кредитор, как правило, не вправе требовать и этих процентов за период просрочки – ведь отсутствует вина должника и сам факт противоправного поведения (невыполнение обязательства обусловлено объективными причинами). Из этого исходят и высшие суды, когда устанавливают, что проценты не взыскиваются при соглашении о неустойке и не снижаются ниже законного минимума. Подобный подход обеспечивает баланс интересов: кредитор несет риск чрезвычайных событий, но защищён от недобросовестной просрочки минимальными процентами, тогда как добросовестный должник не наказывается за обстоятельства, фактически ему не подвластные.

Список литературы:

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.07.2023 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 2, подпункта 2 пункта 1 статьи 8, пункта 2 статьи 307 и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Михайлика» // СПС «КонсультантПлюс»

[Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452022/ (дата обращения: 10.08.2025).

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.04.2024 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сыроева» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473712/ (дата обращения: 10.08.2025).

[3] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года) // [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28857/> (дата обращения 19.06.2025).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 1998 г. N 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20647/ (дата обращения: 10.08.2025).

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/29424/> (дата обращения 19.06.2025).

[6] Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-108351/22-142-837 от 15.08.2022 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/55f8622a-46b3-4e27-809c-497854910f75> (дата обращения 19.06.2025).

[7] Гражданское право: учебник: в 4 томах Том 1: Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 575.

[8] Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2011. С. 1301.

[9] Белов В.А. Юридическая природа процентов по статье 395 ГК РФ // Бизнес и банки. 1996. № 14. С.1-2.

[10] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 546-560.

[11] Карапетов А.Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5. С. 80-98.

[12] Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. Москва., 1991. С. 76-84.

[13] Розенберг М.Г. Правовая природа процентов годовых по денежным обязательствам (практические и теоретические аспекты применения новых положений ГК РФ) // Гражданский Кодекс России. Проблемы, теория, практика М., 1998. С. 317.

[14] Письмо ТПП РФ от 22.03.2022 № ПР/0181 (сизм. от 07.04.2022) «О приостановлении рассмотрения заявлений о выдаче заключений об обстоятельствах непреодолимой силы по договорам, заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности, в связи с санкционными ограничениями в отношении иностранных комплектующих и оборудования» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412982/ (дата обращения: 10.08.2025).

[15] Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23 декабря 2015 года № 173-14) // [Электронный ресурс]. URL: <https://uslugi.tpprf.ru/Положение%20о%20порядке%20свидетельствования%20>

обстоятельств%20форс-мажора.pdf (дата обращения 19.06.2025);

[16] Срыв сроков и некачественный товар: из-за чего судятся с поставщиками. // Портал «Право.ру» [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/story/247567/> (дата обращения 19.06.2025).

[17] Юристы обсудили, является ли форс-мажором эпидемия коронавируса // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/yuristy-obsudili-yavlyaetsya-li-fors-mazhorom-epidemiya-koronavirusa> (дата обращения 19.06.2025).

References:

[1] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.07.2023 No. 39-P «On the case of verifying the constitutionality of paragraph 3 of Article 2, subparagraph 2 of paragraph 1 of Article 8, paragraph 2 of Article 307 and paragraph 1 of Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.G. Mikhailik» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452022/ (accessed 08/10/2025).

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.04.2024 No. 15-P «On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.A. Sysoeva» // SPS «ConsultantPlus». [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473712/ (accessed 08/10/2025).

[3] Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation No. 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020) // [Electronic resource]. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28857/> (accessed 06/19/2025).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 8, 1998 N 13/14 «On the practice of applying the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on interest for the use of other people's money» // SPS «ConsultantPlus» [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20647/ (accessed 08/10/2025).

[5] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 25, 2020) // [Electronic resource]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/29424/> (date of access 19.06.2025).

[6] Decision of the Moscow Arbitration Court in case No. A40-108351/22-142-837 dated 15.08.2022 // [Electronic resource]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/55f8622a-46b3-4e27-809c-497854910f75> (accessed 06/19/2025).

[7] Civil Law: textbook: in 4 volumes Volume 1: General Part. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 2023. Page 575.

[8] Practice of application of the Civil Code of the Russian Federation, part one / under the general editorship of V.A. Belov. Moscow, 2011. Page 1301.

[9] Belov V.A. The legal nature of interest under Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation // Business and banks. 1996. No. 14. Pp. 1-2.

[10] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law: General provisions. Moscow: Statut, 1998. Pp. 546-560.

[11] Karapetyan A.G. Condition on compensation for losses: commentary to Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 5. Pp. 80-98.

[12] Komarov A.S. Liability in commercial turnover. Moscow., 1991. Pp. 76-84.

[13] Rosenberg M.G. *Legal nature of annual interest on monetary obligations (practical and theoretical aspects of the application of the new provisions of the Civil Code of the Russian Federation)* // *Civil Code of Russia. Problems, Theory, Practice* M., 1998. P. 317.

[14] Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated March 22, 2022 No. PR/0181 (as amended on April 7, 2022) “On the suspension of consideration of applications for issuing opinions on force majeure circumstances under contracts concluded within the framework of domestic economic activity, in connection with sanctions restrictions in relation to foreign components and equipment” // SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412982/ (accessed 08/10/2025).

[15] Regulation on the procedure for certification by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation of force majeure circumstances (Appendix to the Resolution of the Board of the CCI of the Russian Federation dated December 23, 2015 No. 173-14) // [Electronic resource]. URL: <https://uslugi.tpprf.ru/Полазь%20о%20порядке%20зитование%20обстоятельства%20форс-мажора.pdf> (accessed 06/19/2025);

[16] Failure to meet deadlines and poor-quality goods: why suppliers are sued. // Portal «Pravo.ru» [Electronic resource] URL: <https://pravo.ru/story/247567/> (date of access 06/19/2025).

[17] Lawyers discussed whether the coronavirus epidemic constitutes force majeure // [Electronic resource] URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/yuristy-obsudili-yavlyaetsya-li-fors-mazhorom-epidemiya-koronavirusa> (accessed 06/19/2025).

